Клеопатра

Автор:
Генри Хаггард

Клеопатра

Генри Райдер Хаггард

А потом пришел ответ. Боги ответили на мой призыв. Оконная створка вдруг с грохотом распахнулась, и в комнату, бесшумно взмахивая крыльями, влетела та огромная летучая мышь, которую я последний раз видел висящей на подбородке мертвого евнуха, когда мы с Клеопатрой были в недрах пирамиды Херу. Трижды она облетела комнату, потом зависла над мертвой Ирас, а после порхнула к умирающей Клеопатре и опустилась ей на грудь, вцепившись в изумруд, извлеченный из мумии Менкаура, где покоился много тысячелетий. Трижды это белое воплощение ужаса громко вскрикнуло, трижды ударило перепончатыми огромными крыльями и – о чудо! – исчезло, как будто его и не было.

Генри Райдер Хаггард

Клеопатра

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2012

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Факты, даты, цитаты

Генри Райдер Хаггард о себе

Один мой друг – мистик чистейшей воды – недавно очень позабавил меня. Он составил перечень моих прежних перевоплощений, вернее, трех из них, о которых якобы узнал таинственным образом. Два воплощения оказались египетскими: в первом я был вельможей времен Пепи II, жившего около четырех тысяч лет до нашей эры, во втором – каким-то неизвестным фараоном.

В третьей жизни я, по утверждению приятеля, воплотился в норманна седьмого века. Первым среди своих соплеменников он доплыл до Нила, а потом вернулся в свой старинный дом и там умер. После этого, пророчествовал мистик, душа моя проспала тысячу двести лет, пока не обрела нового хозяина – меня.

Я отнюдь не разделяю убеждений своего друга, несомненно искренних. Все эти теории с перевоплощениями совершенно бездоказательны. Тем не менее бесспорно, что некоторые люди питают неодолимое влечение к определенным странам и историческим эпохам. Разумеется, проще всего это объяснить тем, что предки их жили в этих странах в те самые эпохи. Я люблю норманнов тех времен, когда слагались саги, и еще более ранних. У меня достаточно оснований полагать, что предки мои были датчанами. Однако египетского предка я не разыскал в своей генеалогии ни одного. Если таковые и были, то очень давно.

Как бы то ни было, мне одинаково близки и норманны, и египтяне. Мне легко проникнуться их мыслями и ощущениями. Я даже разбираюсь в их верованиях. Уважаю Тора и Одина, преклоняюсь перед Изидой и неизменно хочу пасть ниц перед луной.

Сплошь и рядом я понимаю норманнов, живших примерно в девятом веке, и египтян от Менеса до эпохи Птолемеев гораздо лучше, чем своих современников. Они мне как-то ближе. И интересуют меня гораздо больше. А вот

про эпоху Георгов я даже читать не могу, я ее просто презираю. Но в то же время я очень симпатизирую дикарям, например, зулусам, с которыми у меня всегда были самые лучшие отношения. Может быть, мой друг мистик пропустил в перечне мое дикарское воплощение…

Хаггард и его современники

Уильям Эрнест Хенли (1849–1903), английский поэт, критик и редактор

Рассказывает Хаггард (в книге «Дни моей жизни»)

Помню, однажды мы ехали в Британский музей с ним и с Лэнгом … посмотреть выставленные там японские гравюры. По дороге я сказал ему, что лично я люблю скульптуру, особенно греческую, намного больше, чем живопись. Он был сильно удивлен.

«Думаю, это чудесно, – сказал он, – что вы такой, какой есть, и ваше творчество такое, как есть; вы должны отдавать предпочтение форме перед цветом».

Ему казалось любопытным, что в характере человека, который пишет романы, есть и другие стороны.

Редьярд Киплинг (1865–1936), английский писатель

Рассказывает Хаггард (в книге «Дни моей жизни»)

…Я познакомился с мистером Редьярдом Киплингом, который недавно прибыл в Англию, предполагаю, из Индии. Он был тогда молодым человеком около двадцати пяти лет и во внешности и поведении был во многом таким же, как и сейчас. Не припомню, при каких обстоятельствах мы встретились впервые. Возможно, это был званый ужин в моем доме на Редклифф-сквер, 24 для некоторых литературных друзей. Помню, что Киплинг приехал поздно и объяснил причину этого, показав порез на своем виске. Когда он ехал к моему дому, его экипаж столкнулся с фургоном на Пикадилли, и произошла

катастрофа, из которой он едва спасся. С тех пор мы всегда хорошо друг к другу относились, возможно, потому что во многих, хотя и не во всех вопросах наши взгляды совпадали.

Из детективного романа Лоуренса Блока «Взломщик, который цитировал Киплинга»

Велкин, прочистив горло, прервал эти мои размышления.

– Райдер Хаггард, – сказал он. – Я говорил вам, что его я тоже коллекционирую?

– Кажется, вы упоминали его имя.

– Интересный человек. Для Южной Африки он сделал то же самое, что Киплинг – для Индии. «Она», «Копи царя Соломона»… Но вы, конечно, знакомы с его творчеством?

– В самых общих чертах.

– Он и Киплинг были, знаете ли, большими друзьями.

…

Хаггард прожил в доме Киплинга в Суррее так же долго, как и в своем собственном. Они и на самом деле работали вместе в кабинете Киплинга, сидя на противоположных концах длинного стола, перелопачивая идеи вдоль и поперек и затем превращая их в то или иное произведение неистовой работой пера.

– Интересно! – сказал я.

…

Киплинг ведь посвятил ему свою книгу. Кроме того, он снабдил экземпляр Хаггарда пространной надписью чуть ли не в сто слов. Там он называл Хаггарда родственной душой …. Полагаю, что в хранилище университета Техаса есть письмо Райдера Хаггарда, в котором он благодарит за подарок и восхваляет

поэму.

Перси Фосетт (1867–1925), британский археолог и путешественник

Перси Фосетт был другом Генри Райдера Хаггарда. В своей книге «Неоконченное путешествие» он утверждает, что Хаггард подарил ему статуэтку из Атлантиды.

У меня есть статуэтка дюймов десять высотой, высеченная из куска черного базальта. Она представляет собой человеческую фигурку, держащую на груди пластину, испещренную иероглифами; такие же письмена вырезаны на ленте, обвернутой вокруг лодыжек. Статуэтку мне дал сэр Райдер Хаггард, приобретший ее в Бразилии, и я твердо убежден, что она найдена в одном из затерянных городов.

Эта каменная фигурка обладает престранным свойством: каждый, кто возьмет ее в руки, тотчас же ощущает подобие электрического тока, устремляющегося вверх по руке, – ощущение настолько резкое, что некоторые люди спешат поскорее положить статуэтку. Причины этого явления мне неизвестны.

Эксперты Британского музея не могли объяснить мне происхождение этой фигурки.

– Если это не подделка, – сказали мне, – мы просто не знаем, что это такое!

Обычно подделка изготовляется для того, чтобы продать ее как антикварную вещь, но есть ли смысл подделывать вещицу, ценность которой никто не в состоянии даже приблизительно определить! Я твердо уверен, что это не подделка, так как из двадцати четырех иероглифов, высеченных на статуэтке, четырнадцать встречаются порознь на различных произведениях древней бразильской керамики.

Я видел лишь один способ разгадать загадку каменного идола – прибегнуть к помощи психометрии. … Психометристы исходят из того положения, что любой материальный объект сохраняет в себе запись всей своей предшествующей судьбы, причем эта запись может быть воспринята человеком, который достаточно чувствителен, чтобы настроиться на специфические, возбуждаемые

им колебания. …

Психометрист, с которым я был совершенно незнаком, взял в руку мою статуэтку и в полной темноте написал следующее:

«Я вижу большой, неправильной формы континент, простирающийся от северного берега Африки до Южной Америки. На его поверхности возвышаются многочисленные горы и местами видны вулканы, словно готовые к извержению. Растительность обильная – субтропического или тропического характера.

На африканской стороне континента население редкое. Люди хорошо сложены, необычного, трудно определимого типа, с очень темной кожей, однако не негроиды. Их наиболее отличительные признаки – выдающиеся скулы и пронзительно блестящие глаза. Я бы сказал, что их нравственность оставляет желать лучшего, а религия их близка к идолопоклонству. Я вижу деревни и города, обнаруживающие довольно высокую ступень цивилизации, и тут есть какие-то разукрашенные здания, которые я принимаю за храмы.

Я вижу себя перенесенным на запад континента. Растительность здесь густая, можно сказать, роскошная, население много культурнее, чем на востоке. Страна более гориста; искусно построенные храмы частью высечены в скалах, их выступающие фасады покоятся на колоннах, украшенных красивой резьбой. …

В разных местах храма имеется несколько изваяний, подобных тому, что я держу в руке; этот последний, очевидно, является изображением жреца высокого ранга. Я вижу, как первосвященник берет фигурку и передает другому жрецу с наказом бережно хранить ее и в надлежащее время отдать следующему избраннику. Он в свою очередь передаст ее дальше, пока она не попадет в руки того, кто является перевоплощением человека, которого она изображает; тогда с ее помощью прояснится многое из забытого прошлого.

Города, расположенные на западе, густо населены, их жители разделяются на три группы: правящую партию, подвластную наследственному монарху, средний класс и бедноту, или рабов. Эти люди – полновластные хозяева мира, и многие из них безудержно предаются занятиям черной магией.

Теперь я слышу голос: «Узри судьбу, которая постигает самонадеянных! Они считают, что творец подвержен их влиянию и находится в их власти, но день

возмездия настал. Ждать не долго, гляди!» И вот я вижу вулканы в неистовом извержении, пылающую лаву, стекающую по их склонам, и вся земля сотрясается под оглушительный грохот. Море вздымается, как от урагана, и огромные части суши с западной и восточной стороны исчезают под водой. Центральная часть материка затопляется, но все еще видна. Большая часть жителей или утонула, или погибла при землетрясении. Жрец, которому был отдан на хранение идол, бежит из тонущего города в горы и прячет священную реликвию в надежное место, а потом устремляется дальше на восток.

Некоторые люди, привычные к морю, садятся в лодки и уплывают; другие бегут в горы в центре континента, где к ним присоединяются беглецы с севера и юга.

Снова слышен голос: «Кара Атлантиды будет судьбой всех, кто осмелится обожествлять власть!»

Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924), русский поэт, прозаик, драматург, литературовед, историк

В письме К. Бальмонту, 10 июля 1898 г.

Вы не знаете детского писателя Райдера Хаггарда? Если Вы читаете детские книги, то прочтите.

Песня древнего народа Тема Райдера Хаггарда

Лесная птица, влетевшая в сумрачный зал;

Рука ребенка, зажавшая острый кинжал, —

Ты облик Жизни узнал ли? узнал ли? – Узнал!

Красиво небо в уборах вечерней зари,

Но солнце тонет в крови, всё в крови, всё в крови.

Звезды сиянье в воде непрозрачной пруда,

Расцвет фиалок в равнине, где скачет орда, —

Ты облик Смерти узнал ли? узнал ли? – О, да!

Темнеет небо в уборах вечерней зари,

Но солнце тонет в крови, всё в крови, всё в крови!

Нельзя проснуться от сна этих дней без примет,

Порвать ли цепи, где звенья – ряд стертых монет,

Ты облик Тайны узнал ли? узнал ли? – иль нет?

Померкло небо в уборах вечерней зари,

И солнце скрылось в крови, всё в крови, всё в крови!

19 марта 1923

Уинстон Черчилль (1874–1965), британский государственный деятель

Письмо Черчилля Хаггарду

Дорогой мистер Хаггард,

большое вам спасибо за то, что прислали мне «Аллана Квотермейна», это очень мило с вашей стороны. «А. К.» нравится мне больше, чем «Копи царя Соломона», он забавнее.

Надеюсь, вы напишете еще очень много книг.

Искренне ваш

Уинстон С. Черчилль.

Письмо тети Черчилля Хаггарду

Дорогой мистер Хаггард,

маленький Уинстон пришел вчера утром … и умолял меня повести его увидеться с вами, прежде чем он вернется в школу в конце месяца. Я не хочу надоедать такому занятому человеку, как вы, но когда у вас будет время, сообщите мне, пожалуйста, можно ли привести его в следующую среду, когда миссис Хаггард, по ее словам, будет дома? Или вы предпочтете прийти к нам как-нибудь вечером, когда мальчик будет у меня, чтобы встретиться с вами? …

Преданная вам

Констанс Лесли.

Хаггард в своей автобиографии «Дни моей жизни» говорит, что, к сожалению, не помнит, состоялась ли встреча, которую пыталась организовать леди Лесли.

Забавные случаи из жизни писателя

По статье Д. Урнова «Писатель, которого читают»

Свою литературную судьбу Райдер Хаггард считал в значительной мере случайной. Готовили его и сам он готовился к поприщу государственному, общественному. Сочинительство в той среде, где он рос, не сочли бы занятием достойным. Характерный анекдот случился с Хаггардом, когда он уже был известным романистом, но службы еще не оставил, заседая в суде по бракоразводным делам.

Тянулось очередное заседание, Хаггард рассеянно чертил пером по бумаге и случайно вывел свое имя. «Простите, – раздался вдруг шепот у него за спиной, – это вы автор “Копей царя Соломона”?» Узнав, что так и есть, член суда, задавший вопрос, прошипел: «Будьте же вы прокляты! Из-за вас я сегодня всю ночь не спал!»

* * *

«Книга вовсе не так хороша, как думают», – сказал … об «Острове сокровищ» Райдер Хаггард. «Попробуй, напиши хоть наполовину так же хорошо», – заметил ему на это брат. Хаггард принял вызов и тут же начал приключенческую книгу. Днем он заседал в суде, а вечерами писал. Полтора месяца спустя были закончены «Копи царя Соломона».

Тут уж пришел успех невероятный! Книги Райдера Хаггарда печатались одна за другой. Имя его стало действовать почти магически. К … издателю поступило десять тысяч читательских писем с одной и той же просьбой, сообщить, какие у него, у этого Хаггарда, глаза. А когда знаменитый автор перенес тяжелую операцию и после наркоза очнулся, то увидел, что весь медицинский персонал, окружавший операционный стол, стоит над ним с его книгами в руках и ждет автографов.

Знаменитые читатели о Генри Райдере Хаггарде

Корней Иванович Чуковский (1882–1969), советский писатель

Его тянет в загадочные, сказочные страны, каких еще никто не видал, – к гробницам легендарных героев, в огненные пещеры, где скрыты заветные клады, к шаманам, кудесникам, магам, к каким-то изумительным заколдованным женщинам, которые при помощи чар живут тысячи и тысячи лет и, умирая, воскресают опять. Он создал для себя особый мир – и в этом мире он полный хозяин.

Генри Миллер (1891–1980), американский писатель и художник

А сейчас, без всякого повода, если не считать таковым воспоминания о закате детства, внезапно всплывает в памяти имя Райдера Хаггарда. Это один из авторов, включенных мною в список ста книг, который я составил для издательства «Галлимар». И это был тот писатель, который держал меня в плену! …

Когда закончился подростковый период, стало все труднее найти писателя, способного хотя бы приблизиться к тому впечатлению, которое производили книги Хаггарда.

…

Райдер Хаггард – один из тех писателей воображения, которые, несомненно, питались из многих источников. Мы сейчас считаем его автором книг для детей и охотно соглашаемся предать его имя забвению. Быть может, лишь тогда, когда наши ученые наткнутся на истину, уже открытую воображением, мы поймем истинный масштаб подобных писателей.

…

…В Райдере Хаггарде есть двойственность, которая меня в высшей степени интригует. Этот человек вполне земной, с традиционными привычками и ортодоксальными убеждениями, но вместе с тем преисполненный любопытства и чрезвычайно терпимый, обладающий большой жизненной силой и практическим умом, молчаливый и сдержанный, одним словом, англичанин до мозга костей – через свои «романы» раскрывает скрытую натуру, скрытую сущность и поразительные скрытые познания. Его манера писать эти романы – очень быстро и, если можно так выразиться, ни на секунду не переставая размышлять, – дает ему возможность легко и глубоко проникать в собственное подсознание. Благодаря этому он словно бы нашел способ показать живую плазму своих предыдущих воплощений. Плетя кружева своих историй, он позволяет герою свободно философствовать, позволяя тем самым читателю увидеть отблески и вспышки своих истинных мыслей. Однако его дар рассказчика слишком велик для того, чтобы он мог придать глубочайшим своим размышлениям насыщенную форму и подобающий размах, которые сумели бы разрушить чары самого повествования.

Евгений Шварц (1896–1958), советский писатель, драматург

В письме Л. Л. Эренберг, Москва, 19 октября 1923 г.

Посылаю вам мой любимый роман Г. Хаггарда – он лучше «Атлантиды» Бенуа. Разбогатев – пришлю еще.

Эрнест Хемингуэй (1899–1961), американский писатель

По статье Д. Урнова «Писатель, которого читают»

Эрнест Хемингуэй …, давая советы молодому читателю и перечисляя имена, которые необходимо знать, назвал и Райдера Хаггарда.

Интересно, что в библиотеке Хемингуэя, в доме его на Кубе близ Гаваны, есть неразрезанные книги Хаггарда. Но это не значит, будто, советуя читать другим, Хемингуэй сам не заглядывал в них. Просто он прочел Хаггарда раньше, до того, как обзавелся таким домом и такой библиотекой. А нового Хаггарда, оставшегося нетронутым, он все-таки поставил на полку в память о сильных переживаниях, некогда испытанных им.

Грэм Грин (1904–1991), английский писатель и драматург

Возможно, миг, когда я снял её с полки, и не был решающим, но он, вне всякого сомнения, повлиял на моё будущее. Если бы не романтическое повествование об Алане Квотермейне, сэре Генри Куртисе, капитане Гуде и, наконец, старой ведьме Гагуле (персонажи одной из самых известных книг Хаггарда «Копи царя Соломона»), разве обратился бы я, девятнадцатилетний, в Министерство колоний с просьбой взять меня на службу в Нигерийский флот? Да и позже, когда я уже всё понимал, выдуманная Африка поманила меня снова, и в 1935 году я очнулся от приступа лихорадки на походной кровати в либерийской деревне. Передо мной в бутылке из-под виски догорала свеча, в темноте возилась крыса. Если бы не этот неизлечимый восторг перед Гагулой и её лысым, жёлтым черепом, на котором кожа сжималась и растягивалась, как капюшон у кобры, я не проторчал бы весь 1942 год в крошечном душном офисе во Фритауне, Сьерра-Леоне. Не так уж много общего между Страной Кукуанов, лежащей позади пустыни и гор Царицы Савской, и крытым жестью домиком посреди топкой лужи, где гуляли, словно индюки во дворе, ястребы и собаки, будившие меня по ночам своим воем…

Но всё-таки оба эти места располагались на одном континенте и даже, хотя и отдалённо, на одном отрезке воображения – там, где вслепую идёшь по чужой

земле. Однажды ночью в Зигите, на границе Либерии с Французской Гвинеей, я подошел к Гагуле и её преследователям немного ближе: мои слуги убежали в дом и отвернулись от окон, заслонив глаза ладонями, где-то стучал барабан, и весь город сидел взаперти, пока по нему расхаживал злой дух, взглянуть на которого значило ослепнуть.

Кеннет Гандар-Довер (1908–1944), английский спортсмен, авиатор, исследователь и писатель

Положение было далеко не многообещающим, когда я попал в Найроби. Всё, что у меня было, – это любовь к Райдеру Хаггарду и нечёткое представление о том, чего я хочу. Я хотел увидеть большую охоту в диких условиях, взять с собой фотографов и, когда это осуществится, попробовать отправиться в дикие леса в одиночку.

Иван Антонович Ефремов (1908–1972), советский палеонтолог и писатель-фантаст

По статье Е. Брандиса, В. Дмитриевского «Творческий путь Ивана Ефремова»

…Двенадцатилетним подростком, заброшенный ветрами гражданской войны в Херсон, Ефремов становится воспитанником 2-й роты автобазы 6-й армии.
… Именно в это время он знакомится с сочинениями Райдера Хаггарда, которого всю жизнь продолжал почитать как одного из своих любимейших писателей. Устойчивый интерес Ефремова к Африке, который проходит через все его творчество, зародился еще при первом чтении … пленительно-таинственных романов Хаггарда.

Элизабет Питерс (Барбара Мертц), американская писательница, автор детективных романов (один из циклов – о египтологе Амелии Пибоди)

По статье В. Л. Черной «Художественное своеобразие романа Элизабет Питерс “Последний верблюд пал в полдень”»

[Романы Хаггарда], по признанию самой Питерс, вдохновили ее как на замысел всего цикла об Амелии Пибоди, так и на написание книги «Последний верблюд пал в полдень». Об этом идет речь в предисловии к роману: «Как и Амелия …, я боготворю романы сэра Генри Райдера Хаггарда. Он был настоящим мастером выдумки, что, к сожалению, редко встречается в наши упадочнические времена; перечитав его произведения, я сама решила написать книгу. И задумывалась она как почтительная, восторженная и ностальгическая дань ему». В интервью журналу «The Armchair Detective» (1993) романистка сознается, что в свое время прочитала «все от Конан Дойла до сверхъестественных сказок», а потом, сосредоточившись на создании романов об Амелии, она «вернулась к Райдеру Хаггарду и обожаемой компании». «Мне ужасно нравятся затерянные цивилизации, – замечает она, – и так нравится блуждать покинутыми закоулками, что я и подумала, черт с ним, и в [романе] «Последний верблюд пал в полдень» бросила своих героев в такую затерянную цивилизацию». Питерс говорит, что она замечательно провела время, «приворовывая» понемногу у Хаггарда и моделируя, что будет, если вдруг Пибоди обнаружит потерянную расу, перемещенную на полторы тысячи лет от ее исторического бытия. «В этой книге все полностью логично и разумно обосновано. Это было замечательно. Господи, у меня там были даже человеческие жертвоприношения и еще всякая всячина!»

Хаггард о своем путешествии в Египет и работе над романом «Клеопатра»

В январе 1887 года я отправился путешествовать по Египту.

С детства меня привлекал древний Египет, и я прочел о нем все, что мог раздобыть. Теперь я был охвачен страстным желанием побывать в этой стране, тем более что хотел написать роман о Клеопатре, – намерение, конечно, довольно честолюбивое. …

…Я отправился в Египет в поисках знаний и отдыха. Кое?что мне и в самом деле удалось узнать, ведь если ум жаждет, то он впитывает информацию, как сухая губка воду. Я заблаговременно запасся рекомендательными письмами к Бругш-бею (немецкий египтолог Г.-К. Бругш), который, помнится, был тогда директором булакского музея. Он водил меня по этому дивному зданию, показывал мумии Сети, Рамсеса и других… О, с каким почтением глядел я на

них! Рассказывал мне, дрожа от волнения, о великом кладе фараонов в Дейр-эль-Бахри и вообще об их сокровищах. Рассказал, как добрался до дна колодца и вошел в длинный проход, где столетиями спали мертвым сном могущественные цари, укрытые там от грабителей и врагов. Когда он при свете факелов прочел на саркофагах несколько имен, то чуть не потерял сознание. Еще бы! Вспоминал, что, когда останки царей извлекли из покоев смерти и повезли в Каир, чтобы снова похоронить уже в стеклянных витринах музея, толпы феллашек бежали по обеим сторонам реки и громко вопили оттого, что от них забирают древних царей. Они посыпали пылью волосы, заплетенные в сотню косичек, как делали их отдаленные предки, оплакивавшие фараонов, чьи останки торжественно проносили мимо них к месту упокоения, которое они считали вечным. Бедные, бедные владыки! Им и не снились стеклянные витрины Каирского музея и насмешки туристов, у которых грозное и величественное выражение сморщившихся лиц мумий вызывает лишь улыбки да шуточки. Иногда, особенно теперь, в зрелом возрасте, я задаю себе вопрос: как смели мы касаться этих священных реликвий? Тогда я об этом не думал и сам тревожил их прах.

Во время этого путешествия я присутствовал при раскопках очень древних захоронений в тени пирамид Гизы. Настолько древних, что умерших тогда еще не бальзамировали. Скелеты лежали на боку, как плод во чреве матери. Ученые, руководившие раскопками, прочли мне надпись на маленькой передней камере одной из гробниц. Если не ошибаюсь, она гласила: «Здесь, ожидая воскрешения, почиет в Осирисе имярек (точное имя усопшего я забыл) … жрец пирамиды Хуфу. Всю свою долгую жизнь он прожил добродетельно и мирно».

…

Доктор Бадж рассказал мне о гробнице, в которую он и его проводник вошли первыми примерно через четыре тысячи лет после того, как она была замурована. Гробница оказалась в идеальном порядке. Там находился гроб знатной дамы, стояли сосуды с приношениями, на груди покойной лежал веер, страусовые перья которого обратились в прах. А песок, покрывавший пол, еще хранил следы тех, кто принес тело в гробницу. Это произвело на меня ошеломляющее впечатление.

Раздумывая над этими вопросами, читатель должен помнить, что для древнего египтянина не было на свете ничего более святого, чем его собственный труп и гробница. Египтянин с незапамятных времен верил, что тело в гробнице спит не в одиночестве, что с ним пребывает вечный страж – Ка, или духовный двойник.

Могущественный Ка, считали египтяне, мог отомстить осквернителю гробницы, ограбившему мумию.

Из Каира я поднялся вверх по Нилу, осмотрев все храмы и пирамиды царей в Фивах. Мне кажется, что это самые удивительные гробницы в мире. Так же думали, вероятно, те, кто посетил эти места двадцать и более веков назад. На стенах сохранились их восторженные надписи и приветствия душам усопших. Вероятно, то же будут испытывать посетители пирамид через две тысячи лет, ибо мир никогда не сможет создать столь совершенные таинственные гробницы или возвести над ними пирамиды.

…

Я начал «Клеопатру 27 мая 1887 года и … закончил 2 августа того же года. Для этого я уехал из Лондона в Дитчингэм, потому что в городе слишком многое меня отвлекало и требовало моего времени, так что я не мог заниматься своей работой.

…

Я посвятил «Клеопатру» своей матери, так как считал, что это лучшая книга из написанных мной или из тех, которые я когда-либо напишу. Хотя с тех пор я изменил свое мнение в пользу одной или двух книг, появившихся позже.

…

«Клеопатра» выходила частями в «Иллюстрированных лондонских новостях», прежде чем была издана в виде книги. У этого произведения появилось много поклонников, но … на него сильно нападали критики, рассерженные из-за того, что я после пьесы Шекспира отважился писать о Клеопатре.

Элла Хаггард, мать Генри Райдера Хаггарда

По словам Хаггарда, это письмо было написано незадолго до смерти его матери и, возможно, было последним письмом, которое он от нее получил.

Дорогой Райдер, у меня есть всего несколько минут, чтобы написать тебе и поблагодарить за твой очаровательный подарок, но я не позволю, чтобы прошла неделя, а я этого не сделала. … Большое тебе спасибо за твою прекрасную работу, мой дорогой сын. Она обязательно принесет тебе успех, дорогой Райдер, что бы там ни сказали критики, а они, я уверена, сделают все худшее, что в их силах. Но, думаю, потомки оценят по достоинству твое произведение.

Эндрю Лэнг (1844–1912), шотландский писатель, переводчик, историк и этнограф, друг Хаггарда

В письмах к Хаггарду

Ты возненавидишь меня за этот совет, но я бы на твоем месте отложил «Клеопатру» так надолго, как это возможно, а потом перечитал бы как посторонний человек. Думаю, ты бы нашел, что между главами 3 и 8 роман слишком растянут, переполнен старинными деталями и слишком медленно развивается, чтобы увлечь читателей. Я в этом совершенно уверен. Стиль соблюден очень хорошо, но история не выигрывает от того, что ее рассказывают в архаическом стиле. … По этой причине я бы значительно сократил роман, и это можно сделать. Ты поймешь это, когда снова его прочитаешь.

* * *

Я посвятил все утро «Клеопатре» и дочитал ее. После восьмой главы она годится! Я отметил некоторые мелочи, касающиеся стиля или выражений. Если в некоторых местах разумно сократить нравственные рассуждения Гармахиса, он, по-моему, станет более убедительным. …

Если сделать роман немного более сжатым, я думаю, что это несомненное произведение искусства.

Хаггард отмечает в своей автобиографии, что постарался исправить недостатки, хотя не уверен, что полностью исполнил советы Лэнга, так как очень не любит менять уже написанное.

Уильям Эрнест Хенли (1849–1903), английский поэт, критик и редактор

В письме к Хаггарду

Я провел неделю в Уиндермере и взял с собой «Клеопатру». Я был один, и она составила мне хорошую компанию.

Вы были в невыгодном положении из-за неизбежного сравнения, но вышли из ситуации лучше (если быть честным), чем я от вас ожидал. Идея во всех отношениях восхитительна. …

Я рад, что прочитал эту книгу, и рад, что она рядом и я могу прочитать ее снова. В ней много недостатков, но она много обещает и дает много превосходных – действительно превосходных – результатов.

И. Васильева, автор статьи о творчестве Хаггарда «Уникальный талант рассказчика»

Бессмертный образ Клеопатры, последней царицы Верхнего и Нижнего Египта, правлением которой завершается царствование династии Птолемеев, привлекал, как известно, многих выдающихся писателей и живописцев. И все же Хаггарду удается дать свою художественную версию этого образа, воссоздать прекрасное лицо, «соблазнившее Цезаря, погубившее Египет и позднее решившее судьбу Антония». Как это часто бывает в поэтике Хаггарда, красота облика скрывает черную бездну души; нет такого порока, такого предательства, такой жестокости, перед которыми отступила бы и которых убоялась бы эта египетская царица, жаждущая власти и наслаждений.

Дворцовые заговоры, интриги, военные победы и поражения, пророчества и предсказания, видения и знамения – в этом романе есть все, чтобы держать в неослабном напряжении интерес читателя. И – опять-таки – поиски сокровища, скрытого в глубинах и тайниках пирамиды (сцена их похищения Клеопатрой и влюбленным в нее Гармахисом – поистине образец готического «suspense»).

Древнегреческий историк Плутарх о Клеопатре в книге «Сравнительные жизнеописания»

…Красота этой женщины была не тою, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимою прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад, – на любое наречие, так что лишь с очень немногими варварами она говорила через переводчика, а чаще всего сама беседовала с чужеземцами – эфиопами, троглодитами, евреями, арабами, сирийцами, мидийцами, парфянами… Говорят, что она изучила и многие языки, тогда как цари, правившие до нее, не знали даже египетского, а некоторые забыли и македонский.

Валерий Брюсов

Валерий Брюсов, прочитав роман Райдера Хаггарда «Клеопатра», сочинил одноименное стихотворение.

Клеопатра

Я – Клеопатра, я была царица,

В Египте правила восьмнадцать лет.

Погиб и вечный Рим, Лагидов нет,

Мой прах несчастный не хранит гробница.

В деяньях мира мой ничтожен след,

Все дни мои – то празднеств вереница,

Я смерть нашла, как буйная блудница…

Но над тобой я властвую, поэт!

Вновь, как царей, я предаю томленью

Тебя, прельщенного неверной тенью,

Я снова женщина – в мечтах твоих.

Бессмертен ты искусства дивной властью,

А я бессмертна прелестью и страстью:

Вся жизнь моя – в веках звенящий стих.

Ноябрь 1899

Литература

Блок Л. Взломщик, который цитировал Киплинга. Взломщик, который изучал Спинозу / Пер. Е. Баграт. – М.: АСТ, 1997. – 512 с.

Брандис Е., Дмитриевский В. Творческий путь Ивана Ефремова // Ефремов И. А. Собрание сочинений: в 5 т. – Т. 1. Рассказы. – М.: Молодая гвардия, 1986. – С. 536–560.

Брюсов В. Tertia Vigilia // http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=95514

Брюсов В. Сны человечества // http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=95511

Васильева И. Уникальный талант рассказчика // http://lib.ru/HAGGARD/talant.txt

Воронин А. Брюсов: посев Атлантиды // http://lah.ru/text/voronin/brusov.htm

Грин Г. Потерянное детство // http://bibliogid.ru/articles/1420

Житие сказочника. Евгений Шварц. Из автобиографической прозы. Письма. О Евгении Шварце / Сост. Л. В. Поликовская, Е. М. Биневич. – М.: Книжная палата, 1991. – 368 с.

Ле Гуин У. Роза ветров. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с.

Лурье С. А. Успехи ясновидения. – СПб.: Пушкинский фонд, 2002. – 253 с.

Хэйнсельман К. Марози / Пер. М. Волченкова // http:// 4ygeca.com/marozi.html

Миллер Г. Книги в моей жизни. – М.: Б.С.Г.-Пресс; НФ «Пушкинская библиотека», 2001. – 540 с.

Плутарх. Антоний / Пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. – Т. 2. – М.: Наука, 1994. – С. 398–445.

Ревич В. Миры Райдера Хаггарда // Литературное обозрение. – 1994. – № 7–8. – С. 106–111.

Урнов Д. Писатель, которого читают // Haggard H. R. King Solomon’s Mines. – М.: Прогресс, 1972. – С. 5—22.

Фосетт П. Неоконченное путешествие. – М.: Мысль, 1975. – 382 с.

Хаггард Г. Р. Дни моей жизни / Пер. В. Голанта // http://ocr.krossw.ru/html/haggard/haggard-days-ls_1.htm

Черная В. Л. Художественное своеобразие романа Элизабет Питерс «Последний верблюд пал в полдень» // http://nauka.hnpu.edu.ua/sites/default/files/fahovi%20vudannia/2010/literaturoznavstvo1/16.

Haggard H. R. The days of my life: autobiography / Ed. by C. J. Longman // http://ebooks.adelaide.edu.au/h/haggard/ h_rider/days/index.html

Клеопатра

Дорогая мама,

я давно искал случая посвятить Вам одну из своих книг, и вот наконец предлагаю Вам этот труд, и надеюсь, что, какими бы ни были его недостатки, какую бы суровую критику он, возможно, не вызвал у вас или у остальных читателей, Вы примете его.

Я надеюсь, что мой роман «Клеопатра» доставит Вам удовольствие не меньшее, чем то, которое получил я, когда работал над ним, и что он создаст в вашем воображении пусть и неполную, но достоверную картину жизни Древнего Египта, чья замечательная история Вам так интересна.

Ваш любящий и преданный сын,

Г. Райдер Хаггард

21 января 1889 года.

От автора

Гибель Антония и Клеопатры многим исследователям, изучающим ту эпоху, кажется одной из наиболее загадочных и трагических страниц древней истории. Какое пагубное влияние, чья тайная ненависть постоянно подтачивали и отравляли их процветание и ослепляли их разум? Почему Клеопатра бежала во время битвы при Акциуме и почему Антоний последовал за ней, бросив свой флот и свою армию на милость врага, который их уничтожил? В этом романе делается попытка ответить хотя бы на этот и на некоторую часть других вопросов.

Однако я прошу читателя помнить, что рассказ ведется не от лица нашего современника, а устами древнего египтянина с разбитым сердцем, горячо любившего свою родину потомка фараонов, не простодушного сторонника культа животных, а образованного жреца, посвященного в самые сокровенные тайны, твердо верившего в существование богов Кемета, в возможность общения с ними и в вечную жизнь с ее благами и наказаниями, когда при

переходе в загробное царство нас либо осуждают, либо оправдывают в зависимости от того, совершали мы зло или не совершали; ученого, для которого туманный и зачастую грубый символизм веры в Осириса был не чем иным, как пологом, специально сотканным для того, чтобы скрыть тайны Святилища. О таких людях, как принц Гармахис, рассказывается в священных письменах всех крупных религий, независимо от того, насколько истинны были их духовные цели и представления, если таковые действительно имелись. Как свидетельствуют монументальные и священные надписи на стенах древних гробниц, дворцов и храмов, они не были неизвестны и тем, кто поклонялся древнеегипетским богам, особенно Исиде.

К сожалению, практически невозможно написать книгу на такую тему и о таком периоде истории без введения определенного количества иллюстративного материала, ибо это единственный способ оживить в глазах читателя давно умершее прошлое с его блеском, увядшим великолепием и осененной веками тайной. Тем же исследователям, которых занимает одна лишь история и которых не интересуют вера, обряды, символы или традиции Матери Религии и Цивилизации Древнего Египта, со всем должным уважением рекомендуется прибегнуть к известному приему – пропустив первую часть этой истории, начать чтение сразу со второй.

Что же касается смерти Клеопатры, то предпочтение было отдано той версии, которая связывает ее кончину с ядом. Согласно Плутарху, ее истинная природа неизвестна, хотя молва приписывает ее укусу гадюки. Однако, судя по всему, она воплотила свое желание, руководствуясь советами своего лекаря Олимпия, этой туманной личности, и более чем сомнительно, что для прекращения человеческой жизни он избрал бы столь экзотический и ненадежный способ.

Следует упомянуть, что даже во времена правления Птолемея Эпифана потомки египетских фараонов, одним из которых и был Гармахис, предпринимали попытки занять египетский трон. Более того, у многих жрецов была в ходу книга пророчеств, в которой говорилось, что после правления греков бог Харсефи сотворит «правителя, который приидет». Так что, несмотря на отсутствие исторического подтверждения, рассказ о великом заговоре, участники которого хотели свергнуть династию Македонских Лагидов и возвести на трон Гармахиса, не кажется такой уж невероятной. Более того, не приходится сомневаться, что за многие века, пока Египет страдал от чужеземных властителей, подобные заговоры возникали не раз. Но история мало что рассказывает о бесплодной борьбе порабощенного народа.

Песнопения Исиды и песнь Клеопатры, которые появляются на страницах этого романа, из прозы автора в стихотворную форму переведены мистером Эндрю Лангом, он же перевел с греческого плач по умершим сирийца Мелеагра, который поет Хармиона.

Введение

В одном из малодоступных мест в горах Ливийской пустыни, лежащих за городом-храмом Абидосом, где, по преданию, похоронен бог Осирис, недавно была открыта гробница. В ней среди прочего найдены свитки папируса, на которых была записана эта история. Гробница сама по себе довольно большая, но в остальном примечательна только лишь глубиной шахты, которая опускается вертикально вниз из высеченной в камне пещеры, некогда служившей надгробной часовней друзьям и родственникам умерших, до погребальной камеры внизу. Шахта эта уходит в глубину не менее чем на восемьдесят девять футов. Как оказалось, в погребальной камере было всего три гроба, хотя в ней могло поместиться намного больше. Два из них, в которых, по всей вероятности, покоились останки верховного жреца Аменемхета и его супруги – отца и матери Гармахиса, главного героя этого повествования, – были сразу же взломаны обнаружившими их мародерами-арабами.

Арабы не только взломали, но и растерзали мумии. Нечестивыми руками они уничтожили тела святого Аменемхета и той, чьими устами, как написано на стенах, вещала богиня Хатор, разорвали их скелеты на части, надеясь найти среди костей сокровища, и даже сами кости, по своему обычаю, за несколько пиастров продали первому же попавшемуся на пути алчному туристу, жаждущему чем-нибудь поживиться, пусть и совершая святотатство. В бедном Египте ныне живущие зарабатывают на хлеб, разоряя могилы великих людей прошлого.

Однако случилось так, что в скором времени после того один мой знакомый, по профессии доктор, добираясь по Нилу до Абидоса, в дороге познакомился с арабами, которые ограбили гробницу. Они открыли ему секрет этого места, рассказав, что один из саркофагов остался невскрытым. Они посчитали, что выглядел он как саркофаг бедняка, и, поскольку спешили, не стали его вскрывать. Побуждаемый любопытством и желанием исследовать гробницу, еще

не оскверненную бездельниками-туристами, мой друг заплатил арабам, чтобы они показали ему это место. О том, что последовало за этим, я расскажу его словами, в точности так, как он написал об этом мне в своем письме:

«Ту ночь я провел возле храма Сети и продолжил путь следующим утром чуть свет. Со мной были косоглазый разбойник Али (я его называл Али-Баба), это тот самый человек, у которого я купил кольцо, которое шлю вам, и небольшая, но отборная компания его приятелей-воров. Через час после того как поднялось солнце, мы достигли долины, в которой находится гробница. Это пустынное, заброшенное место безжалостное солнце весь день поливает своими испепеляющими лучами, пока огромные коричневые глыбы, разбросанные здесь, раскаляются настолько, что к ним становится невозможно прикоснуться, а песок начинает обжигать ноги. Стало уже слишком жарко, чтобы идти пешком, поэтому мы сели на ослов и проехали немного вверх по долине, где кроме нас единственным гостем был парящий высоко в голубом небе стервятник, пока не оказались у громадного утеса, за тысячелетия отполированного солнцем и отшлифованного песком. Там Али остановился, сказав, что гробница находится под ним. Мы спешились и, оставив ослов на попечение мальчика-феллаха, подошли к скале. Под ней находилась маленькая нора, до того узкая, что в нее с трудом мог протиснуться один человек, да и то ползком. Этот лаз прорыли шакалы, потому что вход и большая часть самой пещеры были полностью засыпаны песком, и именно благодаря этому шакальему ходу гробница была обнаружена. Али заполз внутрь на четвереньках, я последовал за ним, и после удушающей жары и ослепительного света снаружи мне показалось, что там было холодно и совершенно темно. Мы зажгли свечи, и, когда в гробницу забралось несколько разбойников Али, я начал осмотр подземелья.

Мы находились внутри высеченной в скале камеры, размером с большую комнату, причем ее дальний конец был почти свободен от песка. На стенах – обычные религиозные изображения культовых церемоний времен Птолемея, среди которых я увидел величественного старца с длинной белой бородой, сидящего с жезлом в руке на резном троне[1 - Очевидно, это изображение самого Аменемхета. (Здесь и далее примеч. автора.)]. Перед ним проходит процессия жрецов, несущих священные предметы. В правом дальнем углу гробницы находится прямоугольный колодец, вырубленный в черном камне, – шахта, ведущая в погребальную камеру. Мы привезли с собой длинное бревно и теперь, привязав к нему веревку, положили его поперек отверстия. Потом Али – а он, надо отдать ему должное, отчаянно храбрый разбойник – взялся за

веревку, сунув за пазуху несколько свечей, уперся босыми ногами в гладкую стену колодца и начал удивительно проворно спускаться. Очень скоро он скрылся в темноте, и только лишь по движению веревки мы могли понять, что внизу что-то происходит. Наконец веревка перестала дрожать, и из глубины колодца донесся глухой голос Али, возвестивший о том, что он благополучно добрался до дна. Потом далеко внизу загорелась крошечная звездочка. Он зажег свечку, потревожив сотни летучих мышей, которые полетели из шахты мимо нас нескончаемым потоком бесшумно, словно духи. Веревку снова подняли, и настала моя очередь спускаться. Поскольку я не решился карабкаться на руках, арабы обвязали конец веревки мне вокруг пояса и стали медленно опускать в эти неведомые глубины. И хочу сказать, что путешествие это было отнюдь не приятным, потому что жизнь моя была в руках грабителей, и, если бы спускавшие меня совершили хоть одну ошибку, я, упав с такой высоты на камни, наверняка сломал бы себе шею. Кроме того, летучие мыши беспрестанно летали у меня перед лицом и цеплялись за мои волосы, а я терпеть не могу этих тварей. Наконец, после нескольких минут болтания и дергания на веревке я оказался в узком туннеле рядом с почтеннейшим Али, весь облепленный летучими мышами, мокрый от пота, да еще с ободранными коленями и руками. Потом по веревке спустился еще один человек, перебирая руками, как моряк, и, поскольку оставшимся наверху было велено дожидаться нас там, мы были готовы идти.

Али со свечкой в руке (у каждого из нас, разумеется, была своя свеча) первым пошел по длинному туннелю высотой в пять футов. Через какое-то время туннель расширился, и мы оказались в погребальной камере. Жара здесь была как в аду. Я думаю, это было самое душное и самое тихое место из всех, где я когда-либо бывал. Там действительно можно было задохнуться. Это была квадратная вырубленная в камне камера с голыми стенами, без росписей, без рельефов, без единой статуи.

Я поднял свечу и стал осматривать помещение. По комнате были разбросаны осколки крышек саркофагов и то, что осталось от двух мумифицированных тел, оскверненных арабами в прошлый раз. Я сразу же заметил, что крышки были испещрены изображениями удивительной красоты, но, не умея читать иероглифы, я не мог расшифровать надписи. Вокруг останков мужчины и женщины[2 - Несомненно, это были Аменемхет и его жена.] лежали бусины и пропитанные благовониями полотняные полосы, в которые раньше были завернуты мумии. От мужского тела была оторвана голова. Я поднял ее и осмотрел. Лицо было тщательно выбрито – судя по всему, после смерти – и изуродовано тяжелой золотой маской. Но, несмотря на это, несмотря на то что плоть ссохлась, мне показалось, что это был один из самых красивых ликов,

которые я когда-либо видел. Это было лицо очень старого человека, и на нем сохранилось такое спокойно-возвышенное выражение смерти, что меня охватил ужас, вселив самые суеверные мысли (хотя, Вы знаете, я привычен к виду мертвецов), и я поспешил положить голову на место. На лице второго тела еще оставалась пелена, и я не стал ее снимать, но в свое время это, очевидно, была высокая красивая женщина.

– Здесь еще один мумия, – сказал Али, показывая на большой целый саркофаг, который, казалось, был небрежно отброшен в сторону, потому что лежал на боку.

Я подошел к нему и тщательно осмотрел. Сделан он был искусно, но из простой кедровой древесины, и на нем не было ни одного иероглифа, ни одного изображения божества.

– Никогда такого не видеть, – сказал Али. – Хоронить сильно спешить. Он не «мафиш»[3 - Нет, конец, не осталось, здесь: не приведен в порядок (араб).], не «финиш»[4 - Английское слово, употребленное в том же значении, что «мафиш».]. Баросать на бок.

Чем дольше я смотрел на деревянный саркофаг, тем интереснее мне было узнать, что находится внутри. Меня до того потряс вид поруганных останков, что я хотел не трогать закрытый саркофаг, но… Я не смог справиться с любопытством, и мы приступили к работе.

Али принес с собой деревянный молоток и зубило и, поставив саркофаг как положено, принялся за работу с рвением опытного грабителя древних гробниц. Через некоторое время он указал мне на еще одну необычную деталь. Большинство саркофагов закрываются при помощи четырех выступающих язычков на крышке, по два с каждой стороны, которые входят в специальные пазы, вырезанные в стенках нижней части, где прочно закрепляются колышками из твердой древесины. Но у этого саркофага было восемь таких язычков. Наверняка его хотели закрыть особенно крепко.

Наконец, с большим трудом, мы подняли массивную крышку толщиной почти в три дюйма и увидели внутри тело, лежавшее под толстым слоем ароматных трав, что очень необычно.

Али смотрел на мумию, широко раскрыв глаза, оно и неудивительно, потому что эта мумия была не похожа на других. Я тоже ничего подобного никогда не видел. Мумии, твердые и прямые, словно вырезанные из дерева фигуры, как правило, лежат на спине, но эта мумия лежала на боку, и, несмотря на полосы ткани, которыми она была обернута, ее ноги были немного согнуты. Но и это еще не все. Золотая маска, которую положили на ее лицо согласно существовавшему во времена Птолемея обычаю, лежала под головным убором.

Видя все это, нельзя было не прийти к единственному выводу, что мумия, которая находилась у нас перед глазами, двигалась после того, как ее закрыли в саркофаге.

– Очень странный мумия. Он не «мафиш», когда его сюда положить, – сказал Али.

– Чушь! – сказал я. – Живых мумий не бывает.

Мы вынули тело из саркофага, чуть не задохнувшись от тысячелетней пыли, слетавшей с мумии, и под ним, среди сухой травы, обнаружили первую находку. Это был папирус, наспех свернутый и замотанный в кусок ткани. По его виду можно было судить, что его бросили в саркофаг в последний миг, когда он закрывался[5 - В этом свитке содержалась третья, незаконченная книга этой истории. Остальные две были аккуратно свернуты обычным способом. Все три книги написаны одной рукой демотическим письмом.].

Али впился в папирус жадными глазами, но я положил его себе в карман, поскольку по нашему договору я мог забирать себе все, что могло обнаружиться в гробнице. Потом мы начали разворачивать тело. Оно было обернуто очень широкими и прочными пеленами, туго затянутыми и грубо завязанными, иногда простыми узлами, явно в страшной спешке и с большим напряжением сил. На голове был виден большой бугор, и когда мы сняли повязки, то увидели, что на лице мумии лежит второй свиток папируса. Я взялся за него и хотел поднять, но он не отставал от тела. Свиток каким-то образом был прикреплен к прочному, без единого шва, покрову, который обволакивал все тело и был завязан под ступнями таким же способом, каким фермеры завязывают мешки. Этот саван, тоже густо пропитанный маслами, состоял из единого куска ткани и скроен был так, чтобы облегать тело, как предмет одежды. Я поднес свечку, осмотрел свиток и понял, почему он не отрывался. Благовонные масла загустели и приклеили его к мешку-савану. Снять его, не повредив внешние листы папируса,

было невозможно[6 - Это объясняет пропуски в последних листах второй книги.].

Все же я кое-как открутил его и положил в карман туда же, где был первый.

После этого мы продолжили свою жуткую работу в молчании. Очень осторожно мы разрезали саван-мешок, и нам наконец открылось тело лежащего в саркофаге мужчины. Между его коленями лежал третий свиток папируса. Я спрятал и его, после чего опустил свечку и посмотрел на мумию. Мне, как врачу, хватило одного взгляда, чтобы понять, от чего умер этот человек.

Тело не было совсем сухим. Несомненно, оно не пролежало положенных семидесяти дней в соляном растворе, из-за чего лицо сохранилось лучше, чем это бывает у других мумий. Не вдаваясь в подробности, скажу только, что я очень надеюсь, что мне никогда больше не придется снова видеть такого взгляда, той муки, которая застыла на лице этого покойника. Даже арабы в ужасе попятились от него и начали бормотать молитвы.

Разрез на правом боку, который делают бальзамировщики, вынимая внутренности, отсутствовал. У него были правильные черты лица мужчины средних лет, хотя волосы были уже седыми, и тело очень сильного человека с необычайно широкими плечами, свидетельствующими об огромной физической силе. Однако осмотреть его более внимательно я не успел, потому что уже через несколько секунд после того, как были сняты повязки, незабальзамированное тело под воздействием воздуха начало рассыпаться. Через пять-шесть минут от него буквально ничего не осталось, только клочок волос, череп и несколько самых крупных костей скелета. Я заметил, что одна из берцовых костей – я забыл, какая именно, правой или левой ноги, – была сломана и срослась очень плохо. Она, наверное, была на целый дюйм короче другой.

Больше искать было нечего, и теперь, когда возбуждение прошло, я, задыхаясь от духоты, напряжения, пыли и запаха благовоний, почувствовал, что смертельно устал.

Если честно, я уже устал писать, к тому же корабль, на котором я плыву, немилосердно качает. Это письмо, конечно же, отправится по суше, а сам я продолжу путь морем, но я надеюсь, что буду в Лондоне не позже чем через десять дней после того, как Вы его получите. Тогда я расскажу Вам о приятных

ощущениях, которые я испытал во время подъема, и о том, как этот мошенник Али-Баба со своими разбойниками пытался запугать меня и заставить отдать им папирусы, и как я справился с ними. Потом, разумеется, мы с Вами расшифруем свитки. Я полагаю, в них содержатся обычные тексты «Книги мертвых», но там может быть и что-то еще. Думаю, вы понимаете, что об этом небольшом приключении я в Египте не распространялся, иначе сотрудники Булакского музея меня в покое не оставили бы. До свидания. Как говорил мой Али-Баба: “Мафиш финиш”».

Когда мой друг, автор этого письма, как и обещал, прибыл в Лондон, на следующий день мы с ним отправились к одному знакомому ученому-египтологу, знатоку иероглифов и демотического письма. Я думаю, вы легко вообразите себе, с каким волнением мы затаив дыхание наблюдали, как он умело увлажнил и развернул один из свитков и стал через свои очки в золотой оправе всматриваться в загадочные символы.

– Хм, – промолвил он. – Что бы это ни было, это не «Книга мертвых». Господи, что это? Кле… Клео… Клеопатра. Провалиться мне на этом месте, друзья мои! Это рассказ современника Клеопатры. Той самой роковой Клеопатры, потому что вот здесь рядом с ее именем стоит имя Антония! Что ж, я вижу, здесь работы на целые полгода. Самое меньшее на полгода! – И, немного ошалев от радости, он стал торопливо ходить по комнате, время от времени пожимая нам руки со словами: – Я переведу… Я переведу. Я расшифрую, чего бы это ни стоило, и мы опубликуем это. И клянусь бессмертным Осирисом, все египтологи Европы будут рвать на себе волосы от зависти! Какая замечательная находка! Настоящее открытие!

О вы, чьи взоры пали на сии страницы, как видите, они были переведены, наш друг расшифровал папирусы и они были опубликованы, и вот уже они лежат перед вами – неизведанная страна, которая зовет вас и в которую вы вольны отправиться!

К вам из своей забытой всеми гробницы обращается Гармахис. Стены Времени падут, и перед вами, словно во вспышке молнии, из тьмы веков возникнет картина далекого прошлого.

Он явит вам те два разных Египта, на которые из далекой древности, веками взирали немые пирамиды: Египет, покорившийся грекам, римлянам и позволивший сесть на свой трон Птолемеям, и старый Египет жрецов, убеленный сединами, но не забывший легенд древности и потерянной славы и продолжающий свято их хранить.

Он расскажет, как в этом Египте, перед тем как окончательно угаснуть, вспыхнул тлеющий огонь любви к земле Кемет, и как старая, освященная самим Временем вера яростно противостояла наступающим волнам перемен, разлившимся, подобно водам Нила, и поглотившим древних богов Египта.

Здесь, на этих страницах, вы увидите славу и могущество Исиды Многоликой, исполнительницы высших предначертаний Непостижимого. Здесь вы познакомитесь с Клеопатрой, этим «порождением пламени», чья пышущая страстью красота созидала и рушила империи, определяя их судьбы. Здесь вы прочитаете, как дух Хармионы погиб от меча, выкованного ее жаждой мести.

Здесь царевич Гармахис, обреченный на смерть египтянин, в последние минуты своей жизни приветствует вас, идущих по проложенной им тропе. В истории его недолгой, так рано оборвавшейся жизни, в его судьбе вы, возможно, увидите что-то сходное со своей. Взывая к нам из глубин мрачного Аменти[7 - Египетский Гадес или Чистилище.], где он сейчас искупает великие земные преступления, рассказом о своем падении он говорит о том, кто отчаянно пытался выстоять и все же предал своего Бога, свою честь и свою страну.

Книга первая

Подготовка Гармахиса

Глава I

О рождении Гармахиса, о пророчестве Хатор и об убийстве невинного младенца

Клянусь Осирисом, почивающим в своей священной могиле в Абидосе, я пишу святую правду.

Я, Гармахис, наследный верховный жрец Храма, воздвигнутого божественным Сети, тогда фараон Египта, а ныне пребывающий во власти Осириса, ставшего правителем Аменти. Я, Гармахис, божественным правом и истинным наследованием по крови царь, единственный владыка двойной короны, фараон Верхнего и Нижнего Египта. Я, Гармахис, растоптавший едва раскрывающийся цветок надежды, безумец, отринувший величие и славу, свернувший со светлого пути, презревший глас Божий ради голоса земной женщины. Я, Гармахис, преступник, падший на самое дно, в котором все горести и страдания собрались, как вода собирается в колодце, который испытал бесчестье и позор, предатель, которого предали, и изменник, теряющий счастье, которое есть, и потерявший счастье будущее, несчастный и опозоренный… Я, узник, приговоренный к смерти, пишу, и именем того, кто покоится вечным сном в своей священной могиле в Абидосе, клянусь, что пишу правду.

О мой Египет! О милая сердцу страна Кемет, вскормившая своей черной землей мою смертную оболочку – земля, которую я предал! О Осирис! Исида! Гор! Вы, боги Египта, которых я предал! О храмы, возносящиеся пилонами к небесам, чью веру я тоже предал! О царственная кровь древних фараонов, все еще текущая по этим иссохшим венам, чью добродетель я предал! О незримая сущность всемирной благодати! О судьба, чье кормило я держал в руках! Услышьте меня, будьте свидетелями до скончания времен, подтвердите, что я пишу только правду.

Сейчас, пока я пишу, вдали, за плодородными полями, я вижу, как текут воды Нила – красные, точно кровь. Передо мной свет солнца озаряет далекие Аравийские горы и падает на дома и улицы Абидоса. Жрецы и теперь еще обращаются в храмах Абидоса к богу, отвергнувшему меня до скончания века, и теперь еще приносятся жертвы, а каменные крыши все так же отражают эхом голоса читающих молитвы. Все так же из своей одинокой камеры внутри башни-темницы я, покрытый позором, смотрю на твои яркие флаги, Абидос, весело развевающиеся на стенах твоих пилонов, и слышу протяжные песнопения длинной процессии, переходящей от святилища к святилищу.

Абидос, несчастный, обреченный Абидос, к тебе рвется мое сердце, ибо скоро-скоро придет день, когда пески пустыни поглотят твои священные места, твои часовни и молельни! Твои боги обречены и будут забыты, о Абидос. Новые верования превратят всех твоих святых в посмешище, и центурионы будут звать центурионов через твои крепостные стены. Я плачу, плачу кровавыми слезами, ибо мое преступление, мой грех породил твои несчастья, обрушил на тебя все беды, и мой позор неискупим во веки веков.

Читайте же то, что написано.

Я, Гармахис, родился здесь, в Абидосе. Мой отец, ныне воссоединившийся с Осирисом, был верховным жрецом храма Сети. И в один день со мной родилась Клеопатра, царица Египта. Юность свою я провел среди полей, которые сейчас вижу из окна, наблюдая за работающими простолюдинами и беспрепятственно гуляя по дворам храмов. О матери своей я ничего не знал, потому что она умерла, когда еще кормила меня грудью. Но перед смертью – а было это во время правления Птолемея Авлета, и это прозвище означает «флейтист», – как рассказала мне старая служанка Атуа, моя мать из ларца слоновой кости взяла урей, золотую змею – символ нашей царской власти в Египте – и возложила его мне на лоб. И те, кто видел, как она это сделала, решили, что боги лишили ее рассудка, что она повинуется воле богов и в своем безумии предрекла конец царствованию Македонских Лагидов и возвращение верховной власти в Египте истинным правителям.

Когда вернулся мой отец, верховный жрец Аменемхет, у которого я был единственным ребенком (ибо та, кто была его женой, прежде чем стать моей матерью, не знаю за какие злые деяния, была надолго наказана богиней Сехмет бесплодием), так вот, когда вошел отец и увидел, что сделала умирающая женщина, он воздел руки к небесному своду и возблагодарил Незримого за посланное знамение. Пока отец молился, Хатор[8 - Египетская богиня судьбы, то же, что Парки у римлян.] преисполнила мать духом пророчества. Та с трудом поднялась с кровати, трижды простерлась перед колыбелью, в которой спал я с царственной коброй на лбу, и провозгласила:

– Слава тебе в веках, плод моего чрева! Слава тебе, царственное дитя! Слава тебе, будущий фараон! Слава тебе, бог, который освободит землю Египетскую от чужеземцев! Слава тебе, божественное семя Нектанеба, потомка вечноживущей Исиды. Сохрани чистоту души и будешь править Египтом, восстановишь истинную веру, и ничто тебя не сломит. Но, если в час посланных тебе

испытаний ты не выстоишь, пусть на тебя падет проклятие всех богов египетских и проклятие твоих царственных предков, правивших на этой земле со времен Гора и сейчас вкушающих покой в Аменти. И пусть при жизни ты будешь несчастен, а после смерти пусть Осирис не примет тебя, и пусть все сорок два судьи Аменти осудят тебя, пусть Сет и Секхет терзают тебя до тех пор, пока твой грех не будет смыт, пока боги Египта, называемые новыми именами, снова не начнут почитаться в египетских странах, пока не будет преломлен скипетр захватчика, пока все угнетатели не будут навек изгнаны из нашей земли и пока не изгладятся следы чужеземцев, пока не совершится тот великий подвиг, что ты в своей слабости не сумеешь свершить.

Лишь мать произнесла это, дух пророчества покинул ее, и она пала замертво на колыбель, в которой я спал, отчего я с криком проснулся.

Отец мой, Аменемхет, верховный жрец, задрожал и преисполнился страха как из-за тех слов, которые устами матери произнес дух Хатор, так из-за того, что сказанное означало призыв к преступлению, к заговору против Птолемея, к государственной измене. Ибо знал он, что, если эти речи дойдут до ушей Птолемея, фараон немедленно пошлет своих воинов уничтожить ребенка, к которому относилось это пророчество. Поэтому отец закрыл дверь и заставил всех, кто был рядом, поклясться символом своего сана, именем божественной триады и душой той, которая лежала бездыханной на каменном полу рядом с ними, что они навсегда сохранят в тайне то, что увидели и услышали, чему оказались свидетелями.

Среди этих людей была старая женщина по имени Атуа, кормилица моей матери, которая очень любила ее, как родную дочь. Я не знаю, как было раньше и как будет в будущем, но в наши дни нет такой, самой страшной клятвы, которая запечатала бы уста женщины. И вышло так, что через какое-то время, когда она свыклась с тем, что произошло, и страх покинул ее, она рассказала о пророчестве своей дочери, которая после смерти моей матери стала моей кормилицей. Они в это время шли вдвоем через пустыню, неся еду мужу дочери, который был скульптором и высекал фигуры богов в скальных гробницах. Вот она и сказала дочери, моей кормилице, что ее забота и любовь ко мне должны быть особенно велики, потому что мне суждено стать фараоном и изгнать из

Египта Птолемеев. Но дочь Атуа, моя кормилица, была настолько удивлена услышанным, что не сумела удержать в себе это известие и ночью разбудила мужа и шепотом пересказала ему слова матери, чем обрекла на смерть себя и своего ребенка, моего молочного брата. Ибо мужчина рассказал об этом другу, а друг тот был шпионом Птолемея, и через него рассказ этот дошел до фараона.

Фараон сильно встревожился, поскольку, хоть он, напившись вина, и насмехался над богами египтян и клялся, что римский Сенат – единственный бог, перед которым он преклонит колени, в душе его терзал неодолимый страх, о чем я узнал от человека, который служил у него лекарем. По ночам, оставаясь в одиночестве, он вскрикивал и взывал к великому Серапису – который на самом деле вовсе не настоящий бог, а лжебог, – и к другим богам, боясь быть убитым, боясь, что душа его может быть отдана в руки мучителям в загробное царство. К тому же, чувствуя, что его трон начинает под ним шататься, он посылал богатые дары храмам и советовался с оракулами, особенно с оракулом с острова Филе. Поэтому, когда до него дошло известие о том, что жену верховного жреца великого и древнего храма в Абидосе перед смертью посетил дух пророчества и богиня Хатор предсказала ее устами, что ее сын станет фараоном, он очень испугался и, призвав нескольких верных стражей (они были греками и поэтому не боялись гнева египетских богов), отправил их на корабле вверх по Нилу с приказом явиться в Абидос, отрубить голову сыну верховного жреца и привезти эту голову ему в корзине.

Однако, поскольку у корабля, на котором плыли стражники, была глубокая посадка, а Нил в это время года мелеет сильнее всего, случилось так, что он сел на мель недалеко от того места, где начинается дорога, ведущая через равнины Абидоса, к тому же сильнейший северный ветер грозил в любую минуту потопить корабль. Стражники фараона позвали крестьян, набиравших воду на берегу реки, и попросили привести лодки и снять их с корабля. Но, увидев, что это греческие солдаты из Александрии, крестьяне и не подумали их спасать, не стали им помогать, потому что египтяне ненавидят греков. Тогда стражники закричали, что они выполняют приказ фараона, но крестьяне все равно продолжали свою работу и не помогли им, только спросили, что за приказ им дал фараон. На это евнух, приплывший на корабле и напившийся от страха до полной потери разума, ответил, что они получили приказ убить ребенка верховного жреца Аменемхета, которому было предсказано стать фараоном и изгнать греков из Египта. И тогда крестьяне побоялись далее мешкать, хотя пребывали в сомнении, и стали спускать лодки, не понимая, что могут означать слова евнуха, какое фараону дело до сына Аменемхета и почему он должен стать фараоном. Однако среди них был один, смотритель каналов, родственник

моей матери, и он присутствовал тогда, когда она пророчествовала. Поэтому сейчас же он развернулся и бежал к нам со всех ног три четверти часа, пока не оказался там, где я лежал в доме за северной стеной великого храма в отведенной мне колыбели. В ту минуту моего отца дома не было, он пребывал в священной области захоронений, той части места Долины Гробниц, которая находится слева от большой крепости, но стражники, ехавшие на ослах, уже приближались. Тогда гонец, наш родственник, позвал старую женщину Атуа, чей длинный язык стал причиной такого зла, и рассказал о солдатах, которые вот-вот ворвутся в дом, чтобы убить меня. Они растерянно посмотрели друг на друга, не зная, как быть, потому что, если бы они меня спрятали, стражники перевернули бы весь дом и не прекратили бы поиски до тех пор, пока не нашли бы меня. И тут мужчина выглянул за дверь и увидел играющего во дворе ребенка.

– Женщина, – спросил он, – чей это ребенок?

– Это мой внук, – ответила она, – молочный брат принца Гармахиса. Из-за его матери эта беда и случилась.

– Женщина, – сказал он, – ты ведь знаешь свой долг, исполни его! – и он указал на ребенка. – Я повелеваю тебе священным именем Осириса!

Атуа затрепетала, едва не потеряв сознания, потому что ребенок был ей родным по крови, но все равно взяла мальчика, умыла его, одела в шелковую рубаху и положила в мою колыбель. Меня же она достала из колыбели, раздела, вымазала пылью, чтобы моя светлая кожа казалась темнее, и посадила играть на землю во дворе, чем я с радостью и занялся.

После этого родственник спрятался, а вскоре приехали стражники и спросили у старой женщины, не дом ли это верховного жреца Аменемхета. Она сказала им, что да, и, пригласив войти, угостила их медом и молоком, потому что их мучила жажда.

Когда они напились, евнух, который приехал с ними, спросил, не сын ли Аменемхета лежит в колыбели, и она ответила: «Да… да», и стала рассказывать стражникам о том, как он возвеличится, поскольку ему было предсказано, что когда-нибудь он возвысится над всеми и будет править державой.

Но греческие стражники рассмеялись, и один из них, схватив ребенка, отрубил ему голову мечом, а евнух показал ей перстень фараона, знак того, что они совершили это злодейство, выполняя его приказание, и велел старой женщине Атуа передать верховному жрецу, что его сын, если и будет править державой, то без головы.

Когда они уходили, один из стражников увидел меня и заметил, что ребенок, играющий в грязи, выглядит благороднее, чем принц Гармахис. На секунду они замешкались, подумав, не убить ли и меня, но потом все же ушли, унося голову моего молочного брата, потому что им не слишком нравилось убивать маленьких детей.

Спустя какое-то время с рынка вернулась мать мертвого ребенка, и, узнав, что произошло, они с мужем хотели убить старую женщину Атуа и отдать меня солдатам фараона. Но в это же время вернулся мой отец и, узнав правду, приказал ночью схватить мою кормилицу и ее мужа и заточить их в одну из темниц храма, чтобы никто и никогда их больше не увидел.

Как сейчас я жалею о том, что по воле богов остался жив, а вместо меня был убит ни в чем не повинный ребенок.

Впоследствии был пущен слух, что верховный жрец взял меня к себе вместо любимого сына Гармахиса, убитого по приказу фараона.

Глава II

О непослушании Гармахиса, об убийстве льва и о рассказе старой женщины Атуа

После того Птолемей-флейтист оставил нас в покое и больше не посылал солдат найти того, кому было напророчено стать фараоном. Ибо голова ребенка, моего молочного брата, была доставлена ему евнухом в александрийский мраморный дворец, где он, разгоряченный кипрским вином, играл на флейте своим танцовщицам.

Желая рассмотреть голову получше, он приказал евнуху поднять ее за волосы, потом захохотал и, ударив ее по щеке сандалией, приказал одной из девушек возложить на голову новоявленного фараона венец из цветов. Сам же упал на колени и стал глумливо поклоняться голове невинного ребенка. Но девушка, у которой был острый язык (обо всем этом я узнал спустя годы), сказала ему, что он поступил мудро, преклонив колени, поскольку ребенок этот действительно был фараоном, величайшим из фараонов, и звали его Осирис, и троном его в царстве мертвых был Аменти.

Птолемея взволновали эти слова, и он задрожал, поскольку, будучи недобрым человеком, совершившим много зла, очень боялся предстать перед судьями Аменти. Он испугался дурного предзнаменования и приказал казнить дерзкую девушку за ее слова, и закричал, что посылает ее поклоняться тому фараону, чье имя она назвала. Остальных девушек он прогнал и в следующий раз заиграл на флейте только следующим утром, когда снова напился пьяным. Александрийцы сочинили об этом случае песню, которую до сих пор еще распевают на улицах города. Вот ее начало:

Играл Флейтист Птолемей

Живым и из мира теней.

Он играл, как бог.

А флейта его была создана

Из сырого и влажного тростника,

Что средь Адских болот.

Там, меж серых теней

С сестрами вместе он жил,

Пусть поет до скончания дней!

Лягушонок – дворецким ему послужи!

Вместо вин – жижу болотную пей,

О Флейтист Птолемей[9 - Перевод Валерии Меренковой.].

Шли годы. Я был еще маленьким и не ведал о тех великих переменах, которые происходили тогда в Египте, да и мой рассказ не об этом. У меня, Гармахиса, осталось слишком мало времени, отпущенного мне судьбой, и я буду говорить только о том, что имеет отношение ко мне.

За это время мой отец и другие наставники обучили меня древней науке нашего народа и тем знаниям о богах, которые доступны детскому пониманию. Я вырос высоким, крепким и красивым, волосы у меня были черны, как волосы божественной Нут, глаза – голубыми, как голубые лотосы, а кожа бела, как алебастровые изваяния в святилищах. Сейчас, утратив все то, что делало меня красивым, я могу говорить об этом без ложной скромности. Еще я был сильным. Во всем Абидосе не было юноши, который мог выстоять против меня в борьбе, и никто не мог дальше и точнее, чем я, метнуть камень из пращи или копье. Мне очень хотелось убить на охоте льва, но тот, кого я называл своим отцом, запретил мне это, говоря, что моя жизнь слишком драгоценна, чтобы так легкомысленно рисковать ею, это непростительное преступление. Когда я склонился перед ним и попросил объяснить, что означает его ответ, он нахмурился и сказал, что боги откроют мне смысл этих слов в свое время. Однако я покинул его, охваченный гневом, потому что в Абидосе один юноша с друзьями убил льва, преследовавшего стада его отца, и, завидуя моей силе и красоте, стал всем говорить, что у меня трусливое сердце, а я скрываю это, и что на охоте я убиваю только шакалов и газелей. А я как раз вступил в свой семнадцатый год и считал себя взрослым – настоящим мужчиной.

Случилось так, что, покинув верховного жреца, я встретил этого самого юношу. Завидев меня, он окликнул меня и стал потешаться надо мной, сообщил со смехом, что окрестные крестьяне сказали ему, будто видели большого льва в тростниках на берегу канала, который проходит рядом с храмом в тридцати стадиях от Абидоса. Продолжая насмехаться, он спросил, не хочу ли я помочь ему убить льва, или предпочитаю пойти к старым женщинам, которые без конца завивают и причесывают меня. Его ядовитые слова настолько разозлили меня, что я чуть не набросился на него. Однако, сдержав себя и забыв о запрете отца, ответил, что, если он отважится пойти на охоту один, то я пойду с ним, и тогда он узнает, трус я или нет.

Сначала он не согласился, потому что, как все знают, у нас не принято охотиться на львов в одиночку, и теперь пришла моя очередь издеваться над ним. Тогда он не выдержал и принес из дома лук со стрелами и острый нож. Я же вооружился тяжелым копьем из тернового дерева с серебряной насадкой на древке, чтобы

рука не соскальзывала, и мы вдвоем молча отправились к логову льва. Когда мы дошли до нужного места, уже начало темнеть, и там, на вязком берегу канала, мы увидели следы зверя, уходившие в густые заросли тростника.

– А теперь, хвастун, – сказал я, – ты пойдешь в заросли впереди или мне идти?

И шагнул вперед, показывая, что готов идти первым.

– Нет, нет, – закричал он, – ты сошел с ума? Чудовище набросится на тебя и разорвет. Смотри, я выстрелю туда из лука. Возможно, если он спит, это разбудит его.

И он выстрелил в густой тростник из лука, не целясь.

Как это случилось, я не знаю, но стрела попала в спящего льва, и, как вспышка света из глубины тучи, он выпрыгнул из укрытия и встал перед нами с топорщившейся гривой, желтыми пылающими глазами и торчащей в боку стрелой. Лев в ярости взревел так, что земля содрогнулась.

– Стреляй из лука, – закричал я. – Стреляй или он сейчас прыгнет!

Но храбрость покинула сердце хвастуна, от страха у него отвисла челюсть, пальцы его разжались, и лук упал на землю. А потом он с криком развернулся и побежал обратно, оставив льва прямо передо мной. Но пока я стоял в ожидании своей участи (а, окаменев от испуга, я был уверен, что убежать мне все равно не удастся), лев вдруг припал к земле и, не отходя ни на шаг в сторону, одним гигантским прыжком перепрыгнул через меня, даже не прикоснувшись. Опустившись на землю, он прыгнул на спину хвастуна и так ударил его огромной лапой по голове, что та разлетелась, как яйцо, брошенное на камень. Юноша упал замертво, а лев встал над ним и заревел. Тут меня охватил такой ужас, что я, не помня себя, поднял копье и закричал. Когда я закричал, лев поднялся надо мной во весь свой огромный рост, так что его голова оказалась выше моей. Он занес надо мной лапу, но я, собрав все силы, вонзил широкое копье ему в горло. От боли он немного отпрянул, поэтому его удар не достал меня и его жуткие когти лишь поцарапали мне кожу. С копьем в шее он падал на спину, потом быстро перевернулся и подпрыгнул в воздух на два человеческих роста, схватившись за копье передними лапами и колотя по нему. Я в ужасе наблюдал, как он дважды подпрыгнул и оба раза упал на спину. Потом силы покинули его

вместе с хлещущей багровой кровью и, взревев, как бык, он умер. А я, всего лишь юноша, не шевелился от ужаса, хотя бояться было уже нечего.

Пока я стоял и смотрел на труп того несчастного, кто надо мной насмехался, и на мертвого льва, ко мне подбежала женщина, та самая Атуа, которая, хоть я тогда этого и не знал, отдала на смерть своего родного внука. Она славилась искусством врачевания и собирала на берегу лекарственные травы, в которых прекрасно разбиралась, не зная того, что рядом был лев (дело в том, что львы почти никогда не заходят на возделанную землю и чаще всего встречаются в пустыне и в Ливийских горах). Она издалека видела, как из зарослей выскочил лев и какой-то мужчина его убил. Приблизившись и узнав меня, она поклонилась и приветствовала меня, назвав наследником царей, достойным самых высоких почестей, любимым избранником божественной триады и даже фараоном, фараоном – избавителем Египта!

Но я, полагая, что страх помутил ей разум, спросил у нее, о чем она говорит.

– Я всего лишь убил льва, это что, такой великий подвиг? – спросил я. – Об этом стоит говорить? Есть люди, и раньше были охотники, которые убили множество львов. Разве божественный Аменхотеп, вступивший в царство Осириса, не убил собственными руками больше ста львов? Разве об этом не написано на скарабее, который висит в покоях моего отца? И ты об этом знаешь. И разве он один такой? Почему же ты так говоришь и чем восхищаешься, о глупая женщина?

Все это я говорил очень удивленно, потому что по молодости склонен был воспринимать убийство льва как нечто несущественное, не заслуживающее внимания. Но она не прекращала славословить и называть меня именами настолько великими, что рука не поднимается здесь их упоминать.

– О царственный отрок, – причитала она, – справедливо пророчество твоей матери. О дитя, зачатое от Бога, мудрая Хатор молвила ее устами. Пойми же знамение! Я растолкую его тебе! Этот лев рычит из римского Капитолия, а убитый им человек – Птолемей, македонское отродье, которое, как сорняки, заполонило земли царственного Нила. С помощью Македонских Лагидов ты

пойдешь войной на римского льва и сокрушишь Рим. Но македонская шавка накинется на римского льва, и он убьет ее, ты же поразишь льва, и тогда земля Кемет снова станет свободной! Свободной! Только будь чист в своих помыслах, как велели боги, о сын царского дома, о надежда кеми! Но остерегайся женщины-губительницы, и, как я сказала, все исполнится. Я бедна и несчастна, да, и охвачена горем. Я совершила грех, рассказав о том, что должно быть сокрыто, и за свой грех я заплатила страшной ценой – плотью от плоти моей, кровью от крови моей, по своей воле я заплатила за твою жизнь, но никогда не роптала. Но мудрость нашего народа все еще живет во мне, да не отвернутся боги, в чьих глазах все равны, от несчастных. Божественная мать всего сущего Исида говорила со мной – вот только вчера вечером говорила – и направила меня сюда собирать травы и растолковать тебе знамение, которое я здесь увижу. И как я уже сказала, пророчество это сбудется, если только ты сумеешь воспротивиться великому искушению, которое тебя ожидает. Пойдем со мной, о царственный! – И она отвела меня к каналу, где голубая вода была глубока и спокойна и, казалось, застыла, как зеркало. – Теперь посмотри на свое лицо, которое отражает вода. Разве чело это не создано для того, чтобы носить двойную корону – Верхнего и Нижнего Египта? Разве в этих прекрасных глазах не светится царственное величие? Разве творец Птах не создал это тело так, чтобы носить одеяния фараона и поражать взоры тех, кто в тебе будет видеть бога?

Нет, нет, – продолжила она изменившимся голосом, скрипучим голосом старухи, – куда же ты? Не делай глупостей, мальчик. Рана от когтей льва очень опасна, так же опасна, как укус гадюки. Ее нужно лечить, иначе она загноится, и тогда львы и змеи начнут тебе мерещиться в бреду. А потом рана покроется язвами. Уж я-то знаю… Я знаю. Не зря же меня считают безумной. Запомни: все в этом мире уравновешено – в безумии много мудрости, а в мудрости много безумия. Ла-ла-ла! Сам фараон не скажет, где заканчивается одно и начинается другое. И нечего глазеть на меня с таким глупым видом. Видел бы ты сейчас себя – прямо как ряженая кошка, как говорят в Александрии. Давай-ка я лучше вот эти травы приложу к твоей ране, и через шесть дней кожа у тебя снова станет гладкой и светлой, как у трехлетнего ребенка, даже шрама не останется. Я знаю, будет жечь, но потерпи. Клянусь тем, кто почивает на острове Филе или в Абидосе… или Абаде, как его раньше называли наши божественные повелители, или в других священных могилах… Где он на самом деле почивает, мы узнаем скорее, чем нам хочется… Клянусь Осирисом, кожа твоя станет нежной и гладкой, ты будешь чист, как лепестки цветов, приносимые Исиде в полнолуние, если позволишь мне наложить на рану целебные травы.

Разве не так, добрые люди? – Старая женщина повернулась и обратилась к небольшой толпе, незаметно для меня собравшейся, пока она пророчествовала. – Я произносила заклинание, чтобы мое лекарство лучше подействовало. Ла-ла! Нет ничего полезнее, чем заклинание. Заклинание – великая сила. Не верите? Тогда приходите ко мне те, у кого жены не могут зачать. Это средство понадежнее, чем скрести колонны в храме Осириса. Я сделаю так, что они станут плодовитыми, как молодые пальмы. Только для каждого недуга нужно знать особое заклинание… В этом весь смысл! Во всем есть свой смысл. Ла-ла!

И вот, услышав это, я взялся за голову, думая, не мерещится ли мне все, или происходит наяву. Но через какое-то время я поднял глаза и среди толпы увидел седовласого мужчину, который пристально смотрел на нас, и особенно на старую Атуа; потом я узнал, что это был шпион Птолемея, тот самый, который донес фараону о пророчестве моей матери и из-за которого меня чуть не убили в колыбели. И тут я понял, почему Атуа несла такую чепуху.

– Странные у тебя заклинания, старуха, – сказал шпион. – Ты как будто говорила о фараоне и о двойной короне – Верхнего и Нижнего Египта, и о юноше, созданном Птахом, разве не так?

– Да, да, это же часть заклинания, глупый! И кем же еще в наше время клясться, как не божественным фараоном Флейтистом, музыкой которого боги осчастливили эту землю? Чем, как не двойной короной, которую он носит… столь же великий, как Александр Македонский? Да, кстати, ты все знаешь, скажи, а они уже вернули его плащ, который Митридат увез на остров Кос? Последним его надевал, кажется, Помпей, верно?.. Когда праздновал победу… Только представьте себе Помпея в плаще великого Александра!.. Щенок в львиной шкуре! И кстати о львах: посмотрите, что сделал этот юноша. Он своим собственным копьем убил льва. Радуйтесь, добрые люди, потому что это был злой лев, вы только посмотрите на его зубы и когти. Вот это когти! Да от одного вида таких когтей у меня, глупой темной старухи, поджилки трясутся. А посмотрите туда, видите тело? Мертвое тело? Это лев убил его. Увы! Теперь он воссоединился с Осирисом[10 - Так называли душу, отошедшую к богу.]… Подумать только, всего лишь час назад он был обычным смертным, как вы и я! Он говорил, двигался, смеялся… Отнесите его бальзамировщикам, а то он от солнца распухнет и лопнет, и тогда бальзамировщикам не придется его разрезать. Хотя они ради него и серебряного таланта не потратят. Семьдесят дней в соляном растворе – вот и все, что ему перепадет. Ла-ла! Что-то язык мой

никак не остановится, а ведь уже стемнело. Вы собираетесь забирать тело этого несчастного юноши? И льва не забудьте! А ты, мой мальчик, не снимай пока целебные травы, скоро ты перестанешь чувствовать рану. Я хоть и сумасшедшая, но кое-что понимаю, к тому же ты мой внук! Как же я рада, что верховный жрец принял тебя к себе, когда фараон – благослови Осирис его святое имя! – погубил его родного сына. Ты такой сильный и крепкий, я уверена, что настоящий Гармахис не смог бы убить льва так, как ты. Никогда, клянусь богами. Нет, все-таки самая здоровая кровь у простолюдинов, уж я это знаю…

– Ты слишком много знаешь и чересчур много языком мелешь, – пробурчал шпион; его подозрения старухе удалось рассеять. – Хотя он и правда храбрый юноша. Эй, вы, отнесите тело в Абидос. Кто-нибудь, останьтесь помочь мне освежевать льва. Шкуру мы пошлем тебе, молодой человек, – продолжил он. – Хотя ты и не заслуживаешь этого. Охотиться вот так на льва мог только дурак, и один из дураков получил по заслугам – смерть. Никогда не нападай на сильного, пока не станешь сильнее его.

После этого я, раздумывая, что все это значит, отправился домой.

Глава III

О том, как Аменемхет упрекал Гармахиса, о молитве Гармахиса и о знамении, посланном всемогущими богами

Пока я шел домой, сок зеленых трав, которые старая женщина Атуа положила мне на рану, вызвал сильнейшую боль, но потом постепенно боль прекратилась. И сказать по правде, я думаю, в травах этих действительно была какая-то целебная сила, потому что уже через два дня разорванная плоть срослась и от ран не осталось и следа. Но тогда я об этом не думал, поскольку меня занимала только одна мысль: я ослушался приказания старого верховного жреца, Аменемхета, которого называли моим отцом. Ибо до того дня я не знал о том, что он был моим настоящим отцом, мне все говорили, что его родной сын был убит, как я уже описывал, и что он с благословения богов усыновил меня и воспитал так, чтобы в должное время я занял его место в храме. Поэтому меня охватил страх – я очень боялся старика, который в гневе был ужасен и всегда разговаривал холодным, суровым голосом мудрости. И все же я решил пойти

прямо к нему, признаться в своем проступке и понести то наказание, которое он назначит. С окровавленным копьем в руке и окровавленной грудью я прошел через двор большого храма и подошел к двери покоев верховного жреца. Это великолепное помещение, все уставленное величественными изваяниями богов, свет днем проникает в него через отверстие, прорезанное в массивной каменной крыше, а по ночам оно освещается подвешенным бронзовым светильником. Внутрь я вошел бесшумно, поскольку дверь была не заперта, и, откинув тяжелый занавес, остановился.

Было уже темно, поэтому горел светильник, и в его свете я увидел старика. Он сидел в кресле из слоновой кости и черного дерева перед каменным столом, на котором были разложены таинственные письмена о царстве живых и царстве мертвых. Но он не читал – он спал, и его длинная белая борода лежала на столе, как борода мертвеца. Мягкий свет светильника падал на него, на папирусы и на золотой перстень у него на пальце с выгравированными символами Незримого, но все вокруг оставалось в тени. Свет падал на его бритую голову, на белое одеяние, на стоявший рядом кедровый жреческий посох и на кресло из слоновой кости с ножками в виде львиных лап. Ясно был виден могучий властный лоб, царственные черты лица, белые брови и темные провалы под ними глубоко посаженных глаз. Увидев его, я задрожал, потому что в его облике было нечто большее, чем обычное человеческое благообразие. Он так долго прожил в обществе богов, так долго общался с ними и познавал их божественные помыслы, он был настолько сведущ в тайнах, которые нам кажутся непостижимыми, что даже сейчас, еще при жизни, он приобщился к великой сущности Осириса, почти возвысился до его благости, а это вызывает у людей великий страх.

Я стоял и смотрел на него, не решаясь сойти с места, и пока я смотрел, он открыл вдруг свои темные глаза. Но он не посмотрел на меня, даже не повернул головы в мою сторону и все же увидел меня и заговорил.

– Почему ты ослушался меня, сын? – произнес он. – Зачем ты пошел охотиться на льва, если я запретил тебе?

– Как ты узнал, что я это сделал, отец? – в страхе спросил я.

– Как я узнал? По-твоему, все нужно видеть самому, слышать от других и не существует иных способов познания? Ах, дитя несведущее! Разве моя душа не была с тобой, когда лев прыгнул на твоего спутника? Разве я не молился твоим

покровителям, чтобы они защитили тебя, чтобы копье твое попало в цель, когда ты ударил им в горло льва? Зачем же все-таки ты пошел туда, сын?

– Задира смеялся надо мной, – ответил я, – поэтому я пошел доказать, что не трус.

– Да, я знаю это. И из-за того, что ты молод и у тебя такая горячая кровь, я прощаю тебя, Гармахис. Но послушай меня, и пусть мои слова просочатся в твое сердце, как воды Сихора просачиваются в сухие пески, когда восходит Сириус[11 - Звезда, появление которой на небе совпадало с началом разлива Нила.]. Слушай же. Задира был послан тебе судьбой как искушение, он был послан, чтобы проверить силу твоего духа, и, как видишь, ее не хватило, ты не выдержал испытания. Это значит, что твое время еще не пришло. Если бы ты оказался силен и проявил твердость, которой от тебя ждали, ты бы уже знал, какая дорога перед тобой открыта. Но ты не справился, поэтому твое время еще не настало.

– Я не понимаю твоих слов, отец, – ответил я.

– Что старая Атуа тебе говорила на берегу канала, сын?

Я пересказал ему все, что говорила старая женщина.

– И ты веришь в это, Гармахис, мой сын?

– Нет, – ответил. – Разве можно в такое поверить? Она ведь сумасшедшая. Все знают, что она потеряла разум.

И он в первый раз взглянул на меня.

– Сын, сын! – воскликнул он. – Ты ошибаешься. Она не сумасшедшая. Эта женщина сказала правду, но то говорила не она. Голос, говоривший ее устами, не может лгать, ибо эта Атуа пророчица и святая. Теперь же узнай, сын мой, что боги Египта предназначили тебе исполнить, и горе тебе, если по своей слабости ты не исполнишь их воли! Ты не был чужим человеком, принятым в мой дом и в храм. Ты не дитя простолюдинов, которого я будто бы усыновил. Ты – мой родной сын, спасенный этой самой женщиной, которую ты назвал сумасшедшей.

Но ты, Гармахис, нечто большее, чем это, ибо в тебе и во мне течет кровь царей Египта. Лишь ты и я – последние прямые потомки фараона Нектанеба, которого персидский царь Ох изгнал из Египта. Персы пришли и ушли, а после персов пришли македонцы, и вот уже почти триста лет эти узурпаторы Лагиды носят нашу двойную корону, оскверняя прекрасную страну Кемет и глумясь над ее богами. Слушай же дальше: две недели назад Птолемей Новый Дионис, Птолемей Авлет, тот самый Флейтист, жалкий музыкантишка, который хотел погубить тебя, умер, а евнух Потин, который много лет назад приплывал сюда с палачами, чтобы отрубить тебе голову, нарушил волю своего хозяина, умершего Авлета, и посадил на трон мальчишку Птолемея, его сына. Поэтому его сестра, гордая и прекрасная Клеопатра, отличающаяся необузданным характером, вынуждена была бежать в Сирию. Я думаю, что там она соберет армию и пойдет войной на своего брата Птолемея, потому что по воле ее отца она должна была править совместно с братом. А тем временем, запомни это, сын мой: римский орел парит высоко, поджидая случая обрушиться на богатый, но лишенный силы Египет и разорвать его на части. И еще запомни: народ Египта устал носить чужеземное ярмо и не желает больше терпеть его. Египтяне с ненавистью вспоминают персов и загораются яростью, когда на александрийских базарах их называют македонцами. Наша земля стонет под игом греков и нависшей тенью римлян.

Разве нас не притесняли, не превратили в рабов? Разве наших детей не убивали, разве не грабили нас, не отнимали выращенное нашими крестьянами, чтобы насытить бездонную алчность и похоть Лагидов? Разве не покинуты и не разорены наши храмы? Разве величие наших богов не было попрано этими греческими болтунами, которые, презрев саму сущность Незримого, не осквернили его, назвав Величайшего другим именем, именем Серапис? Разве Египет не взывает к свободе? Неужели эти призывы будут напрасны? Нет, нет, мой сын, ибо ты был избран, чтобы стать его избавителем. Я уже стар и потому отдаю тебе право на трон. Твое имя уже передают шепотом во многих святилищах из уст в уста, жрецы и простые люди уже клянутся священными символами в верности тому, кто будет им явлен. Но время еще не пришло. Ты еще слишком юн и простодушен, чтобы вынести тяжесть такой бури. Жестокий ураган ломает хрупкие ростки. Сегодня ты был подвергнут испытанию и не выдержал его.

Тот, кто решил посвятить себя служению богам, Гармахис, должен забыть о слабостях плоти. Насмешки, оскорбления, земные соблазны не должны трогать его. Перед нами стоит великая задача, и ты должен осмыслить это и запомнить. Если ты этого не поймешь, ты не сможешь исполнить свое предназначение, и

тогда на тебя падет мое проклятие! Тебя проклянет Египет, тебя проклянут наши поверженные и оскверненные египетские боги. Ибо знай, что иногда события, из которых складывается история, могут переплестись так, что даже бессмертные боги вынуждены воспользоваться помощью простых смертных и надеяться на человека, как воин на свой меч. И проклят тот меч, который ломается в час битвы, ибо такой меч выбрасывают ржаветь или переплавляют в огне, чтобы выковать новый! Поэтому твое сердце должно быть чистым, великим, а ты – сильным духом, ведь ты отличен от остальных, ты не простой смертный, а избранник судьбы, и тебя ждет великая слава. И все радости простых смертных для тебя презренная суета. Тебя ждет триумф в жизни и после нее. Но если ты потерпишь поражение и падешь – горе, горе тебе!

Он замолчал и склонил голову, а потом продолжил:

– Об этом ты более подробно еще услышишь. Пока же тебе еще многому нужно научиться, многое постичь. Завтра я дам тебе письма, и ты отправишься по Нилу, мимо белостенного Мемфиса в Ана. Там, под сенью хранящих свои тайны пирамид и храмов, в которых ты по праву наследования должен стать верховным жрецом, ты проведешь несколько лет и приобщишься к древней мудрости нашего народа. Мой же час еще не пришел, поэтому я пока останусь здесь, буду наблюдать за тобой и с помощью богов сотку паутину смерти для македонской осы.

Подойди ко мне, мой сын, подойди и поцелуй мой лоб, ибо ты – моя надежда и надежда всего Египта. Будь тверд и вознесешься до орлиных высот, и тогда тебя ждет слава, которая переживет тебя. Если же ты изменишь своему долгу, обманешь наше стремление к свободе, не выдержишь, сломаешься – я первый плюну тебе в лицо, и ты будешь проклят, а душа твоя будет пребывать в неволе и терпеть жестокие муки до тех пор, пока в медленном течении времени зло снова не превратится в добро и Египет снова станет свободным.

Я, дрожа, подошел и поцеловал его в лоб.

– Пусть эти и другие кары обрушатся на меня, – сказал я, – если я предам тебя, отец.

– Нет! – воскликнул он. – Не меня! Не меня, а тех, чью волю я исполняю. А теперь ступай. Ступай, мой сын, вникни в мои слова, и пусть они достигнут самых

сокровенных глубин твоего сердца. Замечай все, что увидишь, собирай росу мудрости и готовь себя к великой битве, которая тебе предстоит. За себя не бойся – ты надежно защищен от зла высшей силой. Единственный твой враг, который может нанести тебе вред, – только ты сам. Я все сказал. Ступай.

Покинул я его с тяжелым сердцем. Ночь была очень тихой, ничто не шевелилось во дворах храма. Я быстро прошел по ним и вышел к пилону наружного входа. Потом, ища одиночества и будто желая быть ближе к небу, я поднялся наверх по двум сотням ступеней пилона на массивную крышу. Здесь я прислонился грудью к парапету и стал смотреть вдаль. Пока я смотрел, над Аравийскими горами поднялся красный край полной луны, и ее лучи упали на пилон, где я стоял, и на стены храма у меня за спиной, осветив лики вырезанных в камне богов. Затем холодный свет разлился по возделанным полям, уже готовым к сбору урожая, и небесный светильник Осириса покатился по небу, медленно проводя лучами по долине, туда, где великий Сихор, родитель земли Кемет, несет свои воды к морю.

Когда яркие лучи поцеловали воду, та улыбнулась в ответ, и теперь уже гора и долина, река и храм, город и поле – все было залито белым светом, ибо мать Исида поднялась и набросила свой блестящий покров на земное лоно. Это было красиво, как во сне, и торжественно, точно в потустороннем царстве. Храмы горделиво вздымались перед лицом ночи, и никогда еще эти древние святилища, о стены которых разбивается само время, не казались мне такими прекрасными, как в ту минуту. И мне было уготовано править этой утопающей в лунном свете землей, я должен был сохранить эти священные храмы и дорогие сердцу святыни, защитить их богов от поругания, я должен был изгнать Птолемея и освободить Египет от иноземного ига! В моих жилах текла кровь тех великих фараонов, которые спят в своих гробницах Фиванской долины в ожидании дня воскресения – дня, когда их душа воссоединится с телом! Пока я думал о своем великом предназначении, о своей высокой судьбе, душа моя преисполнилась радостного волнения. Я сложил перед собой руки и там, на пилоне, стал молиться так, как еще никогда не молился, той божественной сути, которая имеет много имен и раскрывается во множестве форм.

– О Амон, – взывал я, – бог над богами, который всегда был и всегда будет; владыка вечности, господь истины, прародитель всего сущего, расточающий божественность и собирающий ее снова; судья над сильными и убогими, в чьем круге пребывает сонм небесный, саморожденный от начала времен и пребывающий вовеки, услышь меня[12 - Сходное определение божественности

можно найти в погребальном папирусе Несикхонсу, египетской принцессы двадцать первой династии.].

О Амон-Осирис, принесенный в жертву ради нашего искупления, всемудрый повелитель области ветров, правитель времен, властитель Запада, верховный владыка Аменти, услышь меня!

О Исида, великая богиня-мать, родившая Гора, таинственная мать, сестра, жена, услышь меня! Если я действительно избран богами для выполнения божественного замысла, пусть мне будет явлено знамение сию минуту, чтобы моя жизнь навеки связалась с жизнью вышних. Протяните ко мне руки, о могущественные боги, и явите мне свои сияющие лики. Услышьте, о, услышьте меня!

Я упал на колени и устремил взгляд в небо.

И в то же самое мгновение лик луны перекрыло облако, из-за чего ночь сразу стала темной, и вокруг сгустилась тишина. Даже собаки далеко внизу, в городе, перестали лаять и выть. Тишина делалась все гуще и гуще, пока не стала величественной, как сама смерть. Я испытал ужас, сердце мое сжалось, и волосы поднялись у меня на голове. А потом вдруг пилон как будто задрожал у меня под ногами, в лицо мне ударил сильный порыв ветра, и голос произнес, казалось, из глубин моего сердца:

– Узри знамение! Будь терпелив, о Гармахис. Не пугайся!

И как только голос произнес это, я ощутил холодное прикосновение к руке и почувствовал, что в нее что-то легло. Затем облако скатилось с лунного лика, ветер прекратился, пилон перестал дрожать, и ночь стала такой же великолепной, какой была до этого.

Когда появился свет, я посмотрел на то, что было оставлено у меня в руке. Это был бутон священного лотоса, едва распустившийся и источающий сладкий аромат. Я замер, в изумлении глядя на бутон. И потом прямо на моих глазах – о чудо! – он исчез, как будто его и не было, и растворился в воздухе.

Глава IV

Об отъезде Гармахиса и о его встрече со своим дядей Сепа, верховным жрецом бога Ра в Ана, о его жизни в Ана и о речах Сепа

На следующий день на рассвете меня разбудил жрец храма, явившийся с указанием готовиться к путешествию, о котором вчера говорил мой отец. В тот день представлялась удобная возможность добраться по Нилу до Ана (который теперь на греческий манер называется Гелиополь) на корабле вместе со жрецами храма Птаха из Мемфиса, которые приезжали сюда, в Абидос, чтобы положить мумию какого-то знатного горожанина в гробницу, приготовленную для него рядом с местом вечного покоя благословенного Осириса.

Я собрался и вечером, получив от отца письма, обняв его и всех жрецов и служителей храма, кто был мне дорог, отправился на берег Сихора, спустился с пристани, и мы пустились в плавание с попутным южным ветром. Когда кормчий, стоявший на носу корабля с шестом в руках, приказал морякам отвязывать от деревянных тумб канаты, удерживающие судно у берега, я увидел Атуа, которая, прихрамывая, спешила к причалу со своей корзинкой лечебных трав. Попрощавшись, крикнув: «Да пребудет с тобой милость богов!», она по обычаю бросила в меня сандалию, на счастье. Эту сандалию я хранил многие годы.

Итак, мы отплыли. Шесть дней мы плыли по прекрасной реке, каждую ночь останавливаясь в каком-нибудь удобном для ночлега месте. Но когда я перестал видеть места, знакомые мне с тех пор, как впервые открыл глаза, и оказался один в обществе совершенно незнакомых людей, сердце мое наполнилось горечью, и я бы расплакался, если бы не стыд, который помог мне удержаться от слез. Обо всех увиденных мной по дороге чудесах я писать не стану, ибо, хоть для меня они и были чем-то новым, они известны всем остальным людям с тех времен, когда Египтом правили его истинные боги. Однако жрецы, с которыми я плыл, относились ко мне с большим почтением и подробно рассказывали мне обо всем, что я встречал на пути.

Утром седьмого дня мы прибыли в Мемфис, город белых стен. Здесь я три дня отдыхал от дороги в обществе жрецов прекрасного храма бога-творца Птаха, которые показали мне свой сказочно красивый, удивительный город.

Однажды верховный жрец и еще двое его приближенных тайно отвели меня в священное обиталище бога Аписа – Птаха, пожелавшего жить среди людей в образе быка. Бог был черен, как ночь, на лбу белое квадратное пятно, на спине белая отметина, формой напоминающая орла, под языком нарост, очень похожий на скарабея, на хвосте длинные волосы, а между рогами у него – пластинка из чистого золота. Пока я, войдя в храм, молился, верховный жрец и те, кто был с ним, стояли в стороне и внимательно наблюдали. Когда я закончил произносить слова, которым меня научили, священный бык встал на колени и лег передо мной. Видя это знамение, верховный жрец и его спутники (потом я узнал, что это были знатнейшие вельможи Верхнего Египта) в изумлении подошли ко мне и поклонились. Еще много чудес видел я в Мемфисе, но здесь, увы, не хватит места, чтобы их описать.

На четвертый день прибыли несколько жрецов из Ана, чтобы отвезти меня к моему дяде Сепа – верховному жрецу Ана. Итак, попрощавшись с мемфисскими жрецами, мы пересекли реку, переправились на другой берег и дальше поехали на ослах. По дороге нам пришлось проехать через несколько деревень, и все они нищенствовали, разоренные жадными сборщиками налогов. Еще я впервые в жизни увидел великие пирамиды, высящиеся позади изображения бога Хорэмахета, того самого сфинкса, которого греки называют Гармахисом, и храмы божественной матери Исиды, царицы всех земель, расточительницы здравия и радости, бога Осириса, повелителя вечности, и божественного Менкаура – храмы, в которых я, Гармахис, по священному праву наследования должен стать верховным жрецом. Я смотрел на пирамиды и дивился их величию, восхищался рельефами, искусно вырезанными на белом известняке, и блеском красного сиенского гранита[13 - В древности близ Сиены (современный Ассуан) добывали знаменитый камень – сиенит.], ослепительно сверкавшего в солнечных лучах. Однако в то время я еще ничего не знал о сокровищах, сокрытых в третьей по величине из этих пирамид, – лучше бы я никогда не узнал этой страшной тайны!

День клонился к вечеру, когда наконец мы увидели Ана, который по сравнению с Мемфисом оказался небольшим городом. Он стоит на возвышении, перед которым находятся озера, питаемые каналами. За городом – дальше, среди огромной площади, – храм бога Ра с большим, окруженным стенами двором.

Мы спешились у пилона, где нас под портиком встретил мужчина невысокого роста, но благородной внешности. Голова у него была выбрита, а темные глаза сверкали, как далекие звезды.

– Остановитесь! – вскричал он громким голосом, который было неожиданно слышать от человека с таким тщедушным телом. – Остановитесь! Приветствую тебя, о путник! Я Сепа, разговаривающий с богами!

– А я Гармахис, – ответил я, – сын Аменемхета, наследного верховного жреца и правителя священного города Абидоса. Я привез тебе письма от отца, о Сепа!

– Входи, входи, – сказал он, внимательно осматривая меня своими блестящими глазами. – Входи же, мой сын! – И он провел меня во внутренние покои храма, закрыл дверь, а потом, прочитав привезенные мною письма, вдруг бросился ко мне и крепко обнял.

– Здравствуй, – воскликнул он, – здравствуй, сын моей сестры, надежда Кемета! Не напрасно молился я богам о том, чтобы они даровали мне счастье встретиться с тобой и передать тебе ту мудрость, те знания, которыми, быть может, во всем Египте владею лишь я один. Не многих мне позволено учить, только избранных, но тебе предначертана великая судьба, и твои уши услышат уроки богов.

И он обнял меня снова и предложил помыться и поесть с дороги, сказав, что завтра продолжит разговор со мной.

Так он и сделал, и после этого мы с ним разговаривали чуть не каждый день столько, что я не стану записывать, что он мне сказал тогда и в последующее время, потому что, если бы я взялся за эту работу, во всем Египте не хватило бы папируса, чтобы записать все сказанное им. Поэтому, поскольку у меня осталось мало времени, а рассказать нужно многое, я пропущу события нескольких последующих лет.

Так проходила моя жизнь: просыпался я рано, ходил на молитву в храм и проводил все дни в учебе. Я изучил все религиозные церемонии и постиг их смысл, я узнал о том, как появились боги и потусторонний мир, мне открылась тайна передвижения звезд, и мне стало понятно, как между ними вращается Земля. Я был обучен древней науке, которую называют магией, и искусству толкования снов. Я научился приближаться духом к богам, понимать язык знаков и раскрывать их внешние и внутренние загадки. Я познакомился с вечными законами добра и зла и познал тайну веры, которую несет в себе человек. Еще мне раскрылись тайны пирамид, которые лучше бы мне никогда не знать! Кроме

того, я прочитал летописи прошлого, записи о деяниях и днях древних царей, правивших со времен Гора. Я овладел искусством врачевания, изучил все тонкости дипломатии, науку управления государством и законами самой земли, изучил историю стран мира, и прежде всего Греции и Рима. Я овладел греческим языком и латынью, с которыми уже был немного знаком до приезда в Ана. И все это время, что я там прожил, долгие пять лет, мои руки и мое сердце были чисты, и я не совершал зла ни в глазах людей, ни в глазах богов. Все мое время и силы уходили на учебу и подготовку к тому, что меня ждало, чтобы стать достойным судьбы, мне предназначенной.

Два раза в год я получал письма от своего отца Аменемхета, полные забот и любви, и два раза в год я посылал ему ответы, в которых непременно спрашивал, не настало ли время завершить мои труды. Дни обучения тянулись и тянулись, и постепенно я начал скучать, поскольку, став уже взрослым мужчиной, – и не просто мужчиной, а ученым мужем, – я возжелал начать жизнь мужчины. Часто я спрашивал себя, не были ли все эти разговоры и пророчества о моей судьбе всего лишь выдумками людей, у которых желания опережают мысли. Действительно ли мне предсказано стать венценосцем? Да, во мне текла царская кровь, я это знал наверняка, потому что мой дядя, жрец Сепа, показал мне хранившуюся от всех в тайне запись прямого родового наследования от отца к сыну, выбитую таинственными мистическими символами на пластинке из сиенского камня, где были выгравированы имена царей в последовательности, как они правили. Но какой смысл быть наследником царей, если Египет, мое наследие, был порабощен и превратился в раба, пресмыкающегося перед Македонскими Лагидами, если он так долго пробыл в неволе, что уже и не помнит, что на мир можно взирать гордо, без подобострастной, угодливой улыбки, расправив плечи, глазами свободного человека?

Потом я вспомнил о своей молитве на крыше храма Абидоса и об ответе на мой призыв, явленном мне там, и усомнился, было ли и это в действительности или во сне?

И вот однажды вечером, когда я, устав от занятий, вышел в священную рощу, которая находится во дворе храма, и стал в глубокой задумчивости бродить по ней, мне встретился мой дядя Сепа, который тоже прогуливался там, погруженный в свои мысли, на чем-то сосредоточенный.

– Остановись! – воскликнул он своим громким голосом. – Почему ты так печален, Гармахис? Неужели тебя так расстроила последняя задача, которую мы с тобой

изучали?

– Нет, дорогой дядя, – ответил я. – Я действительно расстроен, но не задачей, она была совсем легкой. У меня тяжело на сердце, потому что я устал жить в уединении, и вес накопленных знаний тяготит меня так, будто вот-вот раздавит. Зачем копить силу, которой не можешь воспользоваться?

– Ах, Гармахис, как и все неразумные юноши, ты нетерпелив, – сказал он. – Тебе хочется изведать вкус битвы, тебе надоело смотреть, как волны накатывают на берег, и тебя тянет броситься в них, чтобы померяться силой со стихией и ощутить опасность. Значит, ты решил уйти, покинуть нас, Гармахис? Птица покинет гнездо, как только улетают подросшие птенцы ласточек, которые живут под крышей храма. Что ж, пусть будет так, как ты желаешь, твой час настал. Я научил тебя всему, что знаю сам, и мне кажется, что ученик превзошел своего учителя. – Он замолчал и вытер свои увлажнившиеся яркие черные глаза – так огорчила его мысль о предстоящем расставании.

– Куда же мне податься, дядя? – спросил я, обрадовавшись. – Обратно в Абидос, чтобы приобщиться к тайнам богов?

– Да, обратно в Абидос, из Абидоса поедешь в Александрию, а из Александрии на трон твоих отцов, Гармахис! Послушай меня. Вот как обстоят сейчас дела в стране: ты знаешь, что Клеопатра, царица, бежала в Сирию после того, как евнух Потин, презрев последнюю волю ее отца, сделал ее брата Птолемея единоличным правителем Египта. Также знаешь ты и то, что она вернулась, как истинная царица, с огромным войском, и разбила лагерь у Пелузия, и что в это время великий Цезарь, величайший из великих, избранник судьбы, после кровавой битвы под Фарсалом приплыл туда с небольшим отрядом, преследуя разбитого Помпея. Но в Александрии Цезарь узнал, что Помпей погиб: его предательски убили по приказу Птолемея Диониса центурион Ахилл и командующий римскими легионами в Египте Луций Септимий. Известно тебе и то, как испугало александрийцев прибытие Цезаря, и что они даже хотели перебить его ликторов. Потом, как ты слышал, Цезарь захватил малолетнего царя Птолемея, Нового Диониса Двенадцатого, и его сестру Арсиною и приказал распустить армию Клеопатры и армию Птолемея под командованием Ахилла, которые готовились к битве под Пелузием. Но в ответ Ахилл, презрев приказ Цезаря, повел свое войско на Александрию и осадил ее кварталы и крепость Бруцеум. Так продолжалось какое-то время, и никто не знал, кто же будет править Египтом. Наконец Клеопатра приняла решение, очень дерзкое, смелое

решение: оставив свою армию в Пелузии, она ночью подплыла в Александрийскую гавань и вместе с сицилийцем Аполлодором сошла на берег. Там Аполлодор завернул ее в драгоценный ковер, такой, какие ткут в Сирии, и отправил этот ковер в подарок Цезарю. Когда во дворце развернули ковер, внутри оказалась девушка, самая прекрасная девушка в мире, и не только самая прекрасная, но и самая умная и самая образованная. Она соблазнила великого Цезаря – даже груз прожитых лет не смог уберечь его от ее чар, и его безумство, его слабость едва не стоили ему жизни и славы, которую он добыл в сотнях войн.

– Глупец! – перебил я своего наставника. – Какой же он глупец! И его еще называют великим! Разве может быть великим мужчина, который не в силах противостоять коварным женским хитростям? И это Цезарь, который держит в своей власти весь мир, который одним словом бросает в бой сорок легионов и решает судьбы народов! Цезарь, с его холодным умом и проницательностью, этот прославленный герой, как перезревший фрукт, упал к ногам хитрой девчонки! Тогда чем же этот римский Цезарь, которым ты так восхищался, отличается от простых смертных? До чего же он слаб и жалок!

Но Сепа, внимательно посмотрев на меня, покачал головой.

– Ты слишком горяч, Гармахис, и не стоит тебе говорить таким надменным тоном. Не знаешь ты того, что все воинские доспехи имеют сочленения, и горе воину, если меч врага попадет в это место! Запомни: как ни слаба женщина, на земле нет силы более могущественной, чем эта женщина при всей своей слабости. Она правит всем, она приходит в разных обличьях и стучит в разные двери, она не гнушается никакими хитростями, чтобы пробить путь к нашему сердцу; она быстра и терпелива, и страсть ее не неуправляема, как у мужчин, а подобна послушному коню, которого она может направлять по своему усмотрению, когда нужно натягивая или отпуская поводья. У нее взор полководца, и прочным, как крепость, должно быть то сердце, в котором она не найдет слабого места. Кровь в твоем молодом теле кипит, пылает огнем? Ее кровь будет гореть еще горячее, и поцелуи ее не иссякнут. Ты честолюбив? Она раскроет твое сердце и покажет тебе дорогу к славе. Ты измучен и устал? Она приютит тебя на своей груди. Ты споткнулся, упал? Она поднимет тебя и сумеет заставить считать твое поражение величайшей победой. Да, Гармахис, она способна на все это, ибо всегда и во всем даже сама природа на ее стороне. Однако, помогая тебе, она играет роль, поддерживая и утешая тебя, она может обмануть, она может делать это для того, чтобы добиться своих тайных целей,

не имеющих отношения к тебе. И поэтому женщина правит миром. Ради нее происходят войны, ради нее мужчины стремятся разбогатеть, ради нее они творят добро и зло, совершают подвиги и преступления, стремятся к величию и идут на смерть. Она же лишь рассеянно взирает на тебя с улыбкой сфинкса, и еще ни один мужчина не сумел разгадать загадку ее улыбки или понять тайну ее сердца. Не смейся, не смейся над моими словами, Гармахис. Ибо лишь действительно великий человек может противостоять чарам женщины, которая незаметно обволакивает его, давит на него, как невидимый воздух, и порой воздействует сильнее всего, когда этого не подозревают.

Я громко рассмеялся.

– Как убедительно ты говоришь, мой дорогой дядя Сепа, – сказал я. – Можно даже подумать, что тебя самого обожгло пламя подобного искушения. А я не боюсь ни женщин со всем их коварством, ни их хитростей. Я о них ничего не знаю и не хочу ничего знать, они не влекут меня, и все равно я утверждаю, что Цезарь – глупец. Если бы я был на его месте, то, чтобы охладить эту распутницу, я бы приказал завернуть ее обратно в ковер, спустить с лестницы и бросить в гавань, там, где погрязнее.

– Что ты говоришь, Гармахис? Прекрати! Прекрати! – закричал он. – Так говорить – это зло! Да отвратят от тебя боги беду, которую ты на себя накликиваешь, и да сохранят тебе ту твердость духа, ту холодную силу, которыми ты похваляешься. Ты же ничего не знаешь о том, о чем говоришь! Ты, наделенный силой и несравненной красотой, ты, при всей твоей учености и красноречии, ничего не знаешь, ты – всего лишь дитя! Мир, в котором тебе придется жить, совсем не похож на жизнь в храме. Но его можно изменить! Молись, чтобы лед в твоем сердце никогда не растаял, чтобы ты стал великим и счастливым, а Египет свободным. А теперь позволь мне продолжить свой рассказ. Видишь ли, Гармахис, даже самые важные для истории события не обходятся без участия женщины. Молодой Птолемей, брат Клеопатры, которого освободил Цезарь, предательски напал на него, и тогда Цезарь с Митридатом захватили лагерь Птолемея. Птолемей решил бежать на другой берег Нила, но его собственные солдаты, бежавшие вместе с ним, спасаясь, стали цепляться за лодку, в конце концов перевернули ее, и он утонул. Таким жалким оказался конец Птолемея.

Когда война закончилась, Клеопатра родила Цезарю сына, Цезариона. Цезарь назначил другого ее младшего брата – Птолемея Авлета, Нового Диониса тринадцатого – соправителем Клеопатры и ее официальным мужем, а сам

вернулся в Рим, забрав с собой сестру Клеопатры, прекрасную принцессу Арсиною, которую провел в цепях в своем триумфе. Но великого Цезаря больше нет. Умер он так же, как жил, в крови и царственном величии. После этого царица Клеопатра, если можно верить моим источникам, отравила Птолемея, своего брата и мужа, и назначила малолетнего Цезариона преемником трона, который она удерживает с помощью римских легионов и, как говорят, Секста Помпея Младшего, ставшего ее любовником после Цезаря. Но, Гармахис, весь Египет кипит ненавистью к ней. В каждом городе жители Кемет говорят об освободителе, который должен прийти, и этот освободитель – ты. Час уже близок, поэтому возвращайся в Абидос, узнай последние тайны, в которые посвятили нас боги, и познакомься с теми, кто направит бурю. А потом действуй, Гармахис. Действуй и отомсти за Кемет и спаси страну. Освободи эту землю от римлян и греков, займи свое место на троне твоих божественных предков, принадлежащем тебе по закону, и царствуй. Для этого ты и был рожден, о принц!

Глава V

О возвращении Гармахиса в Абидос, о церемонии мистерий, о гимне Исиды и о предостережении Аменемхета

На следующий день, обняв моего доброго дядю Сепа, я, охваченный радостным волнением, покинул Ана, чтобы поскорее вернуться в Абидос. Не буду описывать свое путешествие, скажу только, что добрался я в положенный срок и благополучно. После пяти лет и одного месяца я вернулся домой не мальчиком, но взрослым мужчиной, постигшим человеческие науки и познавшим тайны древней мудрости Египта, дарованной богами. И снова я увидел родные места и знакомые лица, хотя, к сожалению, встретил не всех, кого ожидал, потому что некоторые из них уже закончили свой земной путь и отправились в царство Осириса. Когда я на осле выехал на поле, прилегающее к храму, жрецы и обычные люди вышли приветствовать меня, собралась целая толпа народу, в которой была и старуха Атуа, которая, если не считать нескольких новых морщин, добавленных временем у нее на лбу, выглядела точно так же, как в тот день, когда бросала мне на счастье сандалию пять долгих лет назад.

– Ла-ла-ла! – закричала она. – Вот и ты, мой прекрасный мальчик, даже еще прекраснее, чем был! Ла! Ты стал настоящим мужчиной! Какие могучие плечи! А какое благородное лицо! Какой сильный! Я, старуха, могу гордиться, что когда-то качала тебя на руках! Но что же ты такой бледный? Наверняка эти жрецы в Ана тебя голодом морили. Тебе нужно хорошо питаться – боги не любят ходячих скелетов. От пустого желудка и голова пустеет, как говорят в Александрии. Но это радостная минута, счастливая минута! Добро пожаловать в свой дом! Иди же ко мне, иди! – Я спешился, и она обняла меня.

Но я освободился от ее объятий.

– Отец! Где отец? – воскликнул я. – Я не вижу его!

– Нет, нет, не волнуйся, – ответила она. – Великий жрец жив и здоров. Он ждет тебя в своих покоях. Иди к нему. О счастливый день! Радуйся, Абидос.

И я пошел, вернее, побежал в те покои в храме, о которых уже писал, и увидел там моего отца, Аменемхета, который сидел за столом в той же позе, что и в вечер нашей последней встречи. Он был таким же, как прежде, только очень постарел. Я бросился к нему, упал перед ним на колени и поцеловал его руку. Он благословил меня со словами:

– Посмотри на меня, мой сын. Позволь моим старым глазам увидеть твое лицо, чтобы я мог заглянуть в твое сердце и прочесть твои мысли.

Я поднял к нему голову, и он долго и внимательно, не отрывая взгляда, всматривался в мое лицо.

– Я все вижу, – наконец сказал он. – Ты чист в помыслах, силен, и мудрость твоя глубока. Я не ошибся в тебе. Все эти годы я провел в одиночестве, но отослать тебя в Ана было правильным решением. Теперь расскажи мне, как тебе жилось там. В письмах ты почти ничего про свою жизнь не рассказывал, и ты не догадываешься, мой сын, как может истосковаться отцовское сердце, ведь тебе это пока непонятно.

И я стал рассказывать. Мы говорили до поздней ночи и не могли наговориться. Перед расставанием он сказал, что теперь мне следует готовиться к посвящению в последние таинства, которые должны быть известны избранникам

богов.

И следующие три месяца я готовился к этому великому событию по древнему священному обычаю. Я не ел мяса. Я почти все время проводил в храмах, познавая тайны великого жертвоприношения и скорбь Божественной Матери. Я наблюдал за жрецами во время ночных бдений и молился у жертвенных алтарей. Я поднялся душой к Богу. Да, в снах я разговаривал с Незримым и чувствовал, что между нами установилась связь. Все земные желания и радости покинули меня. Я уже не хотел добиться славы в этом мире, мое сердце парило, как орел на распростертых крыльях, и ничей голос уже не мог найти в нем отклика, вид земной красоты уже не трогал его, не наполнял радостью. Ибо надо мной раскинулся безграничный небесный свод, по которому неизменной с начала веков процессией проходили звезды, определяя судьбы людей, где на своих пылающих тронах восседали боги, наблюдая за тем, как колесница Провидения катится от светила к светилу. О часы раздумий о небесном! Разве тот, кто хоть раз вкусил вашей сладости, захочет снова ползать по земле, где мы пресмыкаемся во прахе? О подлая плоть, властно удерживающая нас внизу! Как бы я хотел, чтобы еще тогда ты избавила меня от себя и позволила моей освобожденной душе взмыть вверх, навстречу Осирису!

Три месяца подготовки прошли слишком быстро, можно сказать, промчались, и вот уже приблизился священный день моего единения со Вселенской Матерью. Ночь так не ждет рассвета, сердце влюбленного не желает так страстно встречи с прекрасной любимой, как я ждал дня, когда увижу твое лицо, о Исида! Даже сейчас, после того как я предал тебя и ты покинула меня, о божественная, моя душа рвется к тебе, и я снова начинаю понимать, что… Но мне не разрешено поднимать завесу и говорить о тех вещах, о которых не говорилось с сотворения мира, и потому я продолжу рассказ с того священного утра.

Семь дней продолжалось великое празднование и почитание мук бога Осириса, которого предательски умертвили после преследования Сети – олицетворения тьмы и зла, – пелись скорбные песни Матери Исиды, воздавалась хвала пришествию божественного младенца Гора, сына Осириса и мстителя за отца. Древние ритуалы были соблюдены в строгом соответствии с древними канонами. На священное озеро выплыли лодки, жрецы бичевали себя у стен святилищ, а ночью по улицам носили изображения богов.

На седьмой день, после захода солнца, во дворе храма великая процессия снова собралась, чтобы пропеть плач Исиды и рассказать о том, как зло было

отомщено. Мы молча вышли из храма и прошли по городским улицам. Первыми шли служители храма, расчищая путь в толпе, потом шествовал мой отец, Аменемхет, в полном парадном одеянии верховного жреца с кедровым жезлом в руке. За ним, шагах в десяти, следовал я, неофит, в одеждах из чистого льна, как положено тому, кто готовится принять посвящение, а за мной – жрецы в белых балахонах несли флаги на шестах и символы богов. За ними выступали младшие жрецы, которые несли священную лодку, а за ними – певцы и плакальщицы. Дальше тянулась бесконечная траурная процессия, все люди были в скорбных черных одеждах, в знак скорби по умершему Осирису. Пройдя в безмолвии по улицам города, мы снова вернулись к храму и вошли. Когда мой отец, верховный жрец, вошел во двор храма через главный пилон, мелодичный женский голос затянул священный гимн:

Воспоем Осириса умершего,

Осириса, умершего воспой,

Стеная над поникшей головой.

И солнце уходит из этого мира.

И звезды в небесах ночных

Тускнеют, свет их яркий сник.

И сникла над телом усопшим Исида.

Иссохшие реки – слез будут полны, и гаснет звезда.

О Нил, твой владыка ушел навсегда.

Она замолчала, но огромная толпа подхватила скорбный погребальный гимн:

Процессия тиха, мы неслышно вступаем

В святые святилища стены.

И к мертвому Богу тихо взываем:

«О Осирис, вернись к нам солнечным светом,

К тем возвратись, кто навеки предан».

Припев прекратился, и снова зазвучал нежный голос певицы:

Мы ступаем по древним камням

По двору, где божественный храм,

И шествуем мимо святилищ священных.

Эхо скорбную песнь повторит,

Вместе с ним она полетит

Сквозь колонны залов нетленных,

Где оплачут горько, обнявшись вдвоем,

Исида с Нефтидой его беспробудный сон.

Тут снова послышался торжественный звук тысяч голосов:

Процессия тиха, мы неслышно вступаем

В святые святилища стены.

И к мертвому Богу тихо взываем:

«О Осирис, вернись к нам солнечным светом,

К тем возвратись, кто навеки предан».

Припев прекратился, и она продолжила песню:

О ты, на западе живущий,

Муж любящий, божественнейший!

Жена, сестра твоя Исида зовет тебя!

Вернись из темноты ночей,

Владыка солнечных лучей.

Пусть тьма отступит навсегда!

На крыльях, порванных ветрами,

Сквозь своды, что под небесами,

Сквозь тени адские лети.

Вернись ко мне, я жду тебя,

В каких бы ни был ты краях.

Узреть желаю я тебя, покинувшего Аменти.

Ищу тебя я среди звезд, на небе, на земле.

Из пепла мертвого восстань и возродись в огне!

Процессия тиха, мы неслышно вступаем

В святые святилища стены.

И к мертвому Богу тихо взываем:

«О Осирис, вернись к нам солнечным светом,

К тем возвратись, кто навеки предан».

Дальше голос певицы стал выше и радостнее:

Услышав зов наш, Осирис пробудился.

Выходит он из клетки, из темницы.

Тебя восхвалим мы, дитя великой Нут!

И неусыпным стражем у ворот

Тебя жена твоя Исида ждет.

Она одна лишь может жизнь в тебя вдохнуть.

Смотрите! Пробудился наш Отец!

Смотрите! Он вернулся наконец!

Надежда наша возродилась!

И легкое, как ветра дуновение,

Священных рук ее прикосновение

Он ощутил, и вновь дыхание возобновилось.

Вместе с Гором спускается солнечный свет,

Трепещи же, подлый убийца Сет,

Расплата близка и спасения нет!

Процессия тиха, мы неслышно вступаем

В святые святилища стены.

И к мертвому Богу тихо взываем:

«О Осирис, вернись к нам солнечным светом,

К тем возвратись, кто навеки предан».

Когда мы склонились перед Божественным, она снова запела. Ее ликующий голос отозвался эхом от могучих древних стен, и тишина заполнилась звучным пением, а сердца всех, кто прислушивался и внимал ей, сжались от волнения, потому что, пока мы шли по храму, она пела гимн воскресшему Осирису, песнь Надежды, песнь Победы.

Воспоем Священных Трех,

Славься, Святая Триада.

Падем мы ниц пред троном,

Троном, что воздвиг властитель наш.

Здесь ваш храм,

Источник мира и покоя.

Здесь мы, ваши слуги, поклонимся вам.

Зло изгнано юным Гором

В далекую западную страну тьмы.

Возрадуйтесь, люди,

Вовеки будет светлой жизнь!

И снова, когда затих ее голос, грянул могучий хор:

Процессия тиха, мы неслышно вступаем

В святые святилища стены.

И к мертвому Богу тихо взываем:

«О Осирис, вернись к нам солнечным светом,

К тем возвратись, кто навеки предан»[14 - Перевод Валерии Меренковой.].

Наконец хор умолк, пение прекратилось, и, как только солнце скрылось за горизонтом, верховный жрец, подняв над головой статую живого бога Осириса, повернулся к толпе, собравшейся во дворе храма. И потом, когда он выкрикнул громким, преисполненным радости голосом: «Славься, Осирис, наша надежда! Осирис! Осирис!», люди сорвали с себя черные покровы, освобождая спрятанные под ними праздничные белые одежды, и все как один поклонились богу. На этом торжество завершилось.

Но для меня церемония – самое главное – только началась, поскольку той ночью меня ждало таинство посвящения. Покинув внутренний двор храма, я совершил омовение и, облачившись в чистые льняные одежды, прошел, как предписано обычаем, в одно из внутренних святилищ (но не в самое сокровенное) и возложил на алтарь специально приготовленные жертвенные дары. Потом, воздев руки к небу, я замер и много часов провел в размышлении, медитируя, пытаясь молитвами и мыслями о божественном укрепить свой дух перед самым сложным испытанием, чтобы достойно его выдержать.

Медленно тянулись часы в тиши храма, пока наконец не открылась дверь и в святилище вошел мой отец, Аменемхет, верховный жрец, одетый в белое. Он вел за руку жреца Исиды, поскольку сам он был женат и потому не мог приобщиться к таинствам Божественной Матери.

Я поднялся с колен и смиренно склонил перед ними голову.

– Готов ли ты? – спросил жрец, подняв светильник так, чтобы осветить мое лицо. – Готов ли ты, о избранный, предстать перед великой богиней и узреть ее блистательный лик?

– Я готов, – ответил я.

– Подумай еще раз, – сказал он торжественным голосом, – ты принимаешь очень важное решение. Пойми, царственный Гармахис, если таково твое последнее желание и ты упорно стоишь на своем, это означает, что уже этой ночью твой дух свою покинет земную оболочку, и пока он будет постигать духовные истины, ты останешься лежать в храме мертвым. Но если ты умрешь, и окажется – да не допустит этого благостный Осирис, – что в твоем сердце есть что-либо дурное или злое, горе тебе, Гармахис, ибо дыхание жизни никогда уже не войдет в твои уста, тело твое превратится в прах, а что станет с остальными частями твоего существа, того я не могу тебе открыть, хоть и знаю[15 - Согласно египетскому религиозному учению, живой человек состоит из четырех частей: тело, астральный двойник (ка), душа (би) и искра жизни божественного происхождения (кау).]. Поэтому загляни в себя еще раз и ответь мне: чисты ли твои помыслы и свободны ли от тени зла? Готов ли ты приникнуть к груди Той, которая вечно была, которая есть, и которая пребудет вовеки, готов ли ты во всем повиноваться ее божественной воле, ради нее, что бы она ни приказала, готов ли по ее повелению забыть о земных женщинах и посвятить себя единственно прославлению Ее, умножая ее славу, пока жизнь твоя не сольется с Ее вечной жизнью?

– Готов, – ответил я. – Веди меня.

– Хорошо, – сказал жрец. – Прости, благородный Аменемхет, ты должен нас покинуть, отсюда мы пойдем одни.

– Прощай, мой сын, – сказал отец. – Будь сильным и восторжествуй в лучезарном мире духовном, как потом восторжествуешь в мире земном. Тот, кому предначертано править миром, сначала должен вознестись над ним. Он должен соединиться с Богом, ибо только так он сможет постигнуть божественные тайны. Но будь осторожен! Боги многое требуют от тех, кто осмеливается вступить в их круг миродержцев. Того смертного, кто вернется оттуда к живым на землю, будут судить более строгим судом, и на него будет наложена более жесткая кара, если он совершит зло, ибо как велика его слава и вознесены добрые деяния в истории народов и стран, так же велик будет и его черный

позор. Поэтому будь крепок сердцем, царственный Гармахис! И когда ты пронесешься дорогами ночи и вступишь в царство Вышних, помни, что тот, кому многое дано, кого щедро одарили, должен и сам так же щедро одарять других. А теперь, если ты действительно твердо решил, ступай. Мне не позволено следовать за тобой, поэтому прощай!

После этих слов сердце мое сжалось, и, удивительно ли, я на миг заколебался! Но мною владело такое горячее желание оказаться рядом с Вышними, я знал, что моя душа и помыслы свободны от зла, и желал совершать только то, что справедливо и праведно. С каким трудом натягивал я тетиву! Я не мог дождаться, когда стрела будет выпущена.

– Веди меня! – воскликнул я. – Веди меня, о мудрый жрец! Я послушно следую за тобой.

И мы отправились в путь.

Глава VI

О посвящении Гармахиса, о его видениях, о его перемещении в царство мертвых и об откровениях Исиды, вестницы Незримого

Мы молча проследовали в святилище Исиды. Там было пусто и темно, лишь робкий огонь светильника отбрасывал отблески на покрытые рельефами стены, где в сотнях обличий Небесная Мать кормила грудью Гора – божественное дитя.

Жрец закрыл дверь и засунул засов.

– Скажи в последний раз, Гармахис, – промолвил он. – Воистину готов ли ты?

– Я говорю еще раз: готов, – ответил я.

Больше он ничего не сказал, но, воздев к небу молитвенно руки, вывел меня на середину святилища и, быстро дунув, потушил светильник.

– Смотри перед собой, о Гармахис! – воскликнул он, и голос его гулким эхом разнесся по погрузившемуся во тьму помещению.

Я стал всматриваться, но ничего не увидел. Однако из расположенной высоко на стене ниши, где сокрыт священный символ богини, на который позволено взирать лишь избранным, донесся мелодичный звук, как будто зазвенели колокольчики систра[16 - Священный инструмент Исиды, очертания и части которого имеют сакральное значение.]. И когда я, охваченный благоговейным страхом, вслушался, случилось чудо: передо мной загорелся священный символ, как будто прочерченный в темноте огнем. Он повис у меня над головой и зазвенел, потом повернулся, и я явственно узрел вырезанный на одной его стороне лик Матери Исиды, который воплощает вечное рождение новой жизни, и лик ее священной сестры, Нефтиды, вырезанный на другой стороне, который олицетворяет возвращение в смерть всего рожденного.

Систр медленно повернулся и стал раскачиваться, словно какой-то невидимый танцор, какое-то мистическое существо, потряхивая, водил им в воздухе надо мной. Но вскоре необычное свечение погасло и звон прекратился. А потом неожиданно дальний конец зала озарился ярким светом, и в этом белом сиянии мне стали являться удивительные картины, одна за другой. Я увидел древний Нил, несущий свои воды через пустыню в море. На его берегах не было ни возделанных полей, ни людей, даже никаких признаков их присутствия, ни храмов, воздвигнутых в честь богов. Лишь дикие птицы безмятежно скользили по одинокой зеркальной глади Сихора, и жуткие чудовища плавали и барахтались в воде, поднимая тучи брызг. Солнце торжественно опустилось за Ливийскую пустыню и окрасило воду в кроваво-красный цвет. Горы тянулись к молчаливому небу, но ни в горах, ни в пустыне, ни на реке не было видно присутствия человека. И тогда я понял, что вижу мир таким, каким он был до того, как в нем появились люди, и ужас одиночества этого мира проник в мое сердце.

Картина исчезла, и на ее месте возникла новая. Я снова увидел берега Сихора, но на этот раз берег его кишел страшными существами, больше похожими на обезьян, чем на людей. Они дрались и убивали друг друга. Дикие птицы испуганно поднялись в воздух и улетели, когда запылали тростниковые хижины, подожженные руками победителей. Они отнимали, грабили, убивали, разбивали каменными молотками головы детей, так что разлетались мозги. И хотя никто мне этого не говорил, я понял, что вижу человека таким, каким он был десятки тысяч лет назад, когда его нога впервые ступила на землю.

Новая картина. И снова я увидел берега Сихора, но теперь на них стояли города прекрасные, как в сказке, как распустившиеся цветы. Вокруг раскинулись обширные возделанные поля. В ворота городов свободно входили и выходили из них мужчины и женщины. Но я не увидел ни стражников, ни армий, ни оружия. Здесь царили мудрость, процветание и мир. Пока я с восхищением созерцал это дивное видение, раздалась музыка, и удивительно красивый мужчина, облаченный в сверкающие, как огонь, одежды, вышел из храма и направился на рыночную площадь, расположенную на самом берегу. Он сел на трон из слоновой кости, установленный лицом к воде, и, как только солнце коснулось горизонта, призвал жителей города к молитве. Они благоговейно склонились и стали молиться в один голос. Я понял, что вижу царство богов на земле, существовавшее задолго до Менеса, первого земного правителя Египта.

Тут видение переменилось. Город остался таким же, но люди в нем были другие: с алчными и злыми лицами, презирающие праведность и поклоняющиеся пороку. Настал вечер. Прекрасный, лучезарный бог занял трон и призвал к молитве, но ни единый человек в толпе не склонился, никто не откликнулся на призыв.

– Ты надоел нам! – закричали они. – Посадим на трон злого царя! Убить его! Убить его! Освободим Зло из оков! Пусть царит Зло!

Лучезарный бог поднялся и устремил спокойный взор на беснующихся нечестивцев.

– Вы сами не ведаете, чего хотите, – воскликнул он, – но пусть будет так, пусть исполнится ваше желание! Ибо, даже если я умру, вы через великие мучения все равно с моей помощью найдете путь в Царство Добра!

И не успел он договорить, некое чудовище, отвратительное и страшное, накинулось на него с проклятиями, убило его, разорвало на части и под ликующие вопли толпы с царственным видом заняло трон. Но в следующее мгновение с небес на туманных крыльях спустилась тень с лицом, закрытым вуалью, и с горестными стенаниями собрала растерзанные части тела. На миг тень склонилась над ними, а потом воздела к небу руки и заплакала. И тут – о чудо! – возле нее вдруг появился воин в доспехах, с лицом, подобным лику всеиспепеляющего Ра в полдень. Он, Мститель, с криком бросился к чудовищу, захватившему трон, и они сошлись в бою, пытаясь одолеть друг друга. Крепко схватившись в объятиях, они унеслись в небо.

Потом картины начали быстро сменяться. Я видел царей и народы в разных облачениях и разговаривающих на разных языках. Перед моими глазами проходили миллионы, они любили, ненавидели, страдали, сражались, умирали. Некоторые были счастливы, а у некоторых на лицах стояла печать скорби, но у большинства на лицах была печать не счастья и не зла, а терпения и тупой покорности. И пока они проходили, пока сменялись века, высоко в небесах Мститель по-прежнему продолжал биться с Чудовищем, и победа склонялась то в сторону одного, то в сторону другого. Но ни один не побеждал, и мне не удалось узнать, чем закончилась битва.

И я понял, что мне представилось священное видение великой борьбы между Добром и Злом. Я увидел, что человек был создан жестоким и подлым, но Те, кто выше, пожалели его и спустились на землю, чтобы сделать его добрым и счастливым, ибо два этих состояния нераздельны. Но человек не мог одолеть свою злобную натуру и вернулся к Злу, и светлый Дух Добра, которого мы называем Осирисом, но который имеет бесконечное множество имен, принес себя в жертву во имя искупления зла тех, кто отказался от него. И когда Он соединился с Божественной Матерью, прародительницей всего существующего, родился еще один бог, наш Защитник на земле, как Осирис – наш покровитель в Аменти.

Это и есть разгадка тайны Осириса.

Как только глазам моим предстали проплывающие видения, мне стали понятны эти истины. Суть символов и обрядов, посвященных Осирису, открылась мне, точно мумия, с которой сняли погребальные пелены, и я понял главный смысл нашей религии: искупление через жертвоприношение.

Видения исчезли, и со мной снова заговорил жрец, приведший меня сюда:

– Понял ли ты, Гармахис, значение того, что тебе дано было увидеть?

– Понял, – ответил я. – Значит, обряд посвящения закончен?

– О нет, он только начинается. У тебя впереди долгий путь, и тебе нужно будет пройти по нему одному. Теперь я оставляю тебя и вернусь на рассвете. Предостерегаю тебя еще раз: лишь немногие могут увидеть и выдержать то, что будет явлено тебе, и остаться в живых. Я за всю свою жизнь знал лишь троих,

осмелившихся пойти на это страшное испытание, и из трех до рассвета дожил только один, двое других умерли. Сам я не проходил через это. Эта дорога слишком высока для меня.

– Уходи, – сказал я. – Мое сердце жаждет знаний. Я пройду через это. Ничто меня не остановит.

Он положил руку мне на плечо и благословил меня. Потом он ушел, и я услышал, как за ним закрылась дверь. Отголоски его неторопливых шагов медленно стихли.

И тут я осознал, что остался один, один в священном месте, где рядом присутствовали неземные существа. Наступила тишина, глубокая и черная, как окружавший меня мрак. Тишина сгустилась, как облако, скрывшее лик луны в ту ночь, когда я, еще юноша, молился ночью на крыше храма. Она сделалась плотнее, а потом еще плотнее, вязкая и тягучая, она словно проникла в мое сердце и там закричала, ибо совершенная тишина имеет голос, который страшнее леденящего кровь вопля. Я заговорил. Эхо моих слов отразилось от стен и обрушилось на меня. Оглушенный, я чуть не упал, и мне показалось, что тишину вынести было проще, чем такое эхо. Что мне предстояло увидеть? Неужели я должен умереть в расцвете юности и сил? Предостережения жреца были страшными, да меня и раньше предупреждали, что испытание будет кошмарным. Меня охватил ужас, и я даже подумал о том, чтобы сбежать. Сбежать! Куда? Дверь была заперта. Бежать было невозможно. Я остался наедине с божественными силами, которые я вызвал. Но сердцем я был чист, в нем не было ни капли зла, и потому я решил, что выдержу предстоящий ужас, встречусь с неизведанным, даже если после этого умру.

– Исида, Божественная Мать, Небесная Супруга, – начал молиться я, – приди ко мне, укрепи меня, вдохни в меня силы. Я слаб! Приди ко мне.

И тут я понял, что все изменилось, уже было не таким, как прежде. Воздух вокруг меня начал шевелиться, зашуршал, как шуршат перьями крылья орлов в полете, и ожил. Передо мной появились яркие глаза, странный шепот проник мне в сердце. В темноте загорелись лучи света, они менялись, мерцали, переливались, они двигались, наплывая друг на друга, вычерчивая мистические знаки, таинственные символы, смысла которых я не знал. Движение света становилось все быстрее и быстрее, символы и знаки собирались, сливались, наливались огнем, гасли, исчезали и снова появлялись, движение все

ускорялось, и мои глаза уже не могли уследить за этим бешеным вихрем. Я плыл по сверкающему морю, свет вздымался и перекатывался, как вздымаются и перекатываются волны в океане. Он то подбрасывал меня, то швырял в бездну. Подо мной было светозарное сияние, великолепный блеск, и я парил в нем!

Вскоре лучи в перекатывающихся кипящих волнах воздушного моря стали бледнеть. По свету пробежали огромные тени, его пронзили темные линии, потом линии слились, и свет погас, лишь я продолжал сверкать, как одинокая звезда в неизмеримой ночи.

Издалека донеслись раскаты музыки. Я вслушался. Поначалу они пронзили мрак легким трепетом, но потом стали приближаться, неотвратимо надвигаясь, все громче и громче, и вдруг музыка, грозная, могучая, оглушающая, обрушилась на меня, зазвучала отовсюду, словно я оказался внутри летящей птичьей стаи, спереди, сзади, сверху, снизу, ужасая и завораживая меня. Но вот звуки пронеслись мимо и постепенно затихли где-то в отдалении. Еще несколько раз я погружался в звуки музыки, и каждый раз она звучала по-новому: то звенела, как десять тысяч систр, сотрясаемых разом; то гудела, как медные горла бесчисленных труб; то лилась сладкозвучным хором неземных голосов; то разносилась громом миллионов барабанов. Но и это закончилось, звуки музыки растворились в затухающем эхе, и на меня снова навалилась тишина.

Я почувствовал, что внутренняя сила начала покидать меня и что жизнь уходит от меня вместе с ней. Смерть приблизилась ко мне, и явилась она в форме Тишины. Она проникла в мое сердце, сковала его ледяным холодом, но мой мозг продолжал жить, я все еще мог думать. Я знал, что приблизился к границе, отделяющей живых от царства мертвых. Да, я стремительно умирал, и как же это было страшно! Я хотел помолиться, но не смог, уже было поздно, для молитвы времени не осталось. Короткий миг отчаянной борьбы, и в мой разум проникло спокойствие. Страх прошел, на меня опустилась неодолимая сонливость, тяжелый сон, как каменная глыба, раздавил меня. Я умирал, я умирал, а потом… наступило небытие!

Я умер!

Но что это! Перемена. В меня вернулась жизнь. Но между этой, новой жизнью и прежней лежала пропасть. Я снова стоял во мраке святилища, но он уже не ослеплял меня. Я мог видеть, как при солнечном свете, хотя там по-прежнему было темно. Я стоял там, я был жив, но это был не совсем я. Скорее это была моя

духовная часть, ибо подо мною лежало мое мертвое тело. Оно застыло неподвижно, и лицо его было сковано последним ужасающим спокойствием.

Пока я, преисполненный удивления, смотрел на самого себя, огненные крылья вдруг подхватили меня и закружили, унося прочь, прочь, быстрее вспышки молнии. Я летел вниз, сквозь пустые глубины, пронизанные кое-где сверкающими звездами. Вниз на десять миллионов миль и на десять раз по десяти миллионов миль, пока наконец не завис над местом, залитым мягким тихим светом. Под собой я увидел прекрасные храмы, дворцы и дома волшебной красоты, каких ни один человек на земле не видел даже в самых чудесных снах. Здания эти были построены из пламени и черноты. Их шпили пронзали высь, дворы их были огромны, вокруг цвели пышные сады. Пока я витал над ними, картина постоянно менялась. То, что было пламенем, становилось чернотой, а то, что было чернотой, оборачивалось пламенем. Место искрилось хрустальным блеском, и сверкание драгоценных камней озаряло великолепие этого города Царства Мертвых. Там были деревья, и их шелест был подобен музыке, там был ветер, и его дуновение звучало нежной печальной песней.

Навстречу мне взмыли тени, переменчивые, загадочные и чудесные, с зыбкими, текучими очертаниями. Они увлекли меня вниз, и я будто почувствовал под ногами землю, но не прежнюю, а какую-то другую.

– Кто грядет? – раздался громкий Голос, приводящий в священный трепет.

– Гармахис, – ответили беспрестанно меняющиеся тени. – Гармахис, призванный с земли, чтобы узреть лик Той, которая была, которая есть и которая пребудет вовеки. Явился Гармахис, дитя Земли.

– Откройте врата и распахните двери! – пророкотал заставляющий трепетать Голос. – Откройте врата и распахните двери, запечатайте его уста молчанием, дабы его голос не нарушил гармонию Небес, отнимите у него зрение, дабы он не увидел то, что не должно быть увиденным смертным, и пусть Гармахис пройдет дорогой, ведущей к месту, где пребывает Единый. Ступай, дитя Земли, но прежде чем ты уйдешь, подними глаза и узри, как ты отдалился от Земли.

Я посмотрел вверх. За сиянием, накрывавшим город, простиралась черная ночь, и где-то далеко, в самой глубине этого черного неба, мерцала маленькая одинокая звездочка.

– Узри мир, который ты покинул, – промолвил Голос. – Узри и трепещи.

Потом мои уста и очи были запечатаны молчанием и темнотой, я онемел и ослеп. Ворота отворились, двери широко распахнулись, и меня перенесли в город Царства Мертвых. Мы двигались очень быстро, но куда – не знаю. Когда я снова почувствовал под ногами землю, Голос провозгласил:

– Снимите пелену с его глаз, сломайте печать молчания, дабы Гармахис, дитя Земли, мог видеть, слышать и понимать, чтобы он мог поклониться в святилище Той, которая была, которая есть и которая пребудет вовеки.

Мои уста и очи почувствовали прикосновение, и ко мне вновь вернулись зрение и речь.

О чудо! Я стоял посреди зала из чернейшего мрамора, такого высокого, что даже в розоватом свете, освещавшем его, я не мог разглядеть огромные своды его потолка. Здесь звучала скорбная торжественная музыка, и у стен по всей длине стояли крылатые огненные духи, и огонь их был настолько ярким, что слепил глаза, и я не мог смотреть на них. Посреди зала стоял небольшой квадратный пустой алтарь. Я подошел к нему, и могучий Голос снова заговорил:

– О Ты, которая была, которая есть и которая пребудет вовеки, Ты, которая имеет множество имен и остается безымянной, Властительница времени, Вестница Богов, Охранительница миров и живущих в них народов; Вселенская Мать, рожденная из пустоты; Созидающая, но не созданная; Живое великолепие, не имеющее формы; Живая форма, не облаченная в материю; Служительница Незримого; Дитя всемирного закона, рожденного из хаоса; Держащая весы и меч Судьбы; Сосуд Жизни, через который протекает вся жизнь и в котором она собирается вновь; Летописец свершенного в истории; Исполнительница предначертанного Провидением, услышь меня!

Египтянин Гармахис, призванный по твоей воле с Земли, ждет перед твоим алтарем. Уши его слышат, глаза распечатаны, сердце открыто. Услышь и явись, о Многоликая! Явись в пламени! Явись в звуке! Явись в духе! Дай нам услышать тебя! Услышь меня и явись!

Голос замолчал, и наступила тишина. Потом в тишине послышался звук, похожий на рев бушующих волн. Он прекратился, и тогда я, движимый неведомо чем, опустил руки, которыми закрывал глаза, и увидел висящее над алтарем небольшое темное облачко, в котором извивался, то появляясь, то исчезая, огненный змей.

Все окутанные пламенем божества и духи упали на мраморный пол и громкими голосами восславили богиню, но ни одного их слова я не понимал. О чудо! Темное облако опустилось и легло на алтарь, огненный змей потянулся ко мне, прикоснулся к моему лбу своим раздвоенным языком и исчез. Голос, чистый, нежный и тихий, царственно произнес:

– Ступайте, мои служители, оставьте меня с сыном Земли, которого я призвала к себе.

Потом быстро, точно стрелы, вылетающие из тугого лука, охваченные пламенем духи и божества поднялись с пола и улетели.

– О Гармахис, – произнес голос, – не бойся. Я Та, которую ты знаешь под египетским именем Исида, это имя египтяне мне и дали, но не пытайся узнать, кто я еще, потому что тебе это не по силам. Ибо я – все. Жизнь – моя душа, а природа – мой наряд. Я – детский смех, я – девичья любовь, я – материнский поцелуй. Я – дитя и слуга Незримого, который есть Бог и который есть рок. Но я сама не богиня, не рок и не закон. Когда на земле дуют ветры и бушуют океаны, ты слышишь мой голос. Взирая на звездный небосвод, ты видишь мое лицо. Когда весной распускаются цветы, это моя улыбка, о Гармахис. Ибо я и есть Природа, и все ее проявления – проявления меня. Каждое дыхание – мое дыхание. Я появляюсь и исчезаю, когда появляется и исчезает луна. Я прихожу с волнами прилива и ухожу вместе с ними. Я поднимаюсь солнцем, я сверкаю молниями и грохочу раскатами грома. Нет ничего настолько большого, чтобы измерить мое величие, и нет ничего настолько малого, чтобы я не нашла там пристанище. Я в тебе, а ты во мне, о Гармахис. То, что создало из небытия тебя, создало и меня. Поэтому, хоть мое величие огромно, а твое так мало, не бойся. Ибо мы связаны с тобой общей нитью жизни – той жизни, которая течет сквозь солнца, звезды и пространства, сквозь божества и души людей, сплавляя воедино все многообразие Природы, которая, вечно меняясь, во веки веков остается неизменной.

Я склонил голову, от сковавшего меня страха не в силах вымолвить ни слова.

– Ты преданно служил мне, о мой сын, – продолжил негромкий нежный голос. – Велико было твое желание встретиться со мной лицом к лицу здесь, в Аменти, и многое ты сделал для того, чтобы твое желание исполнилось. Ибо не просто вырваться из храма плоти, из своей смертной оболочки, и до назначенного времени, пусть даже всего лишь на один час, облечься в одеяния духа, воплотиться в него. И я, о мой служитель, мой сын, тоже страстно желала встречи с тобой здесь, в этом Царстве Мертвых. Ибо боги любят тех, кто любит их, но любовь богов сильнее и глубже, и по воле Того, кто возвышается надо мной так же, как я возвышаюсь над тобой, о простой смертный, я богиня над богами. Поэтому я призвала тебя к себе, Гармахис, и поэтому я разговариваю с тобой, мой сын, и позволяю тебе обращаться ко мне так же, как ты обращался ко мне в ту ночь с храма в Абидосе. Ибо я была тогда там с тобой, Гармахис, как в то же время была в тысячах других миров. Это я, о Гармахис, вложила лотос в твою руку, дав знак, о котором ты просил и которого ждал. В твоих жилах течет царственная кровь моих детей, которые служили мне веками. И если ты выдержишь испытание, восторжествуешь над врагами, ты займешь древний царский трон, возродишь древнее поклонение мне в первозданной чистоте и очистишь мои храмы от скверны, и Египет будет поклоняться мне так же беззаветно, как встарь. Если же ты потерпишь поражение, тогда вечный дух Исиды останется лишь воспоминанием египтян.

Голос умолк, и только теперь я, наконец собрав все свои силы, заговорил:

– Скажи, о божественная, выстою ли я?

– Не спрашивай меня о том, – ответил голос, – о чем мне не должно рассказывать. Быть может, я могу предсказать, что ждет тебя, быть может, я не хочу этого делать. Зачем Богу, который может ждать вечность, представлять распустившийся цветок, если он еще не распустился, который пока еще едва успел лечь семенем в земле и распустится в положенный срок? Знай, Гармахис, не я творю будущее. Будущее для тебя творишь ты, ибо рождается оно Всевышними Законами и волей Незримого. Но ты свободен поступать по своему разумению, и восторжествуешь ли ты или потерпишь поражение, зависит от твоей силы и от чистоты твоего сердца. Тебе нести эту ношу, Гармахис. И бремя славы, и бремя позора ляжет на тебя. Меня это не тревожит, ведь я всего лишь исполнитель предначертанного. Слушай меня, мой сын: я всегда буду с тобой, ибо любовь, однажды появившаяся во мне, не может закончиться, хотя, согрешив, ты можешь подумать, что утратил ее. Помни: если ты победишь, награда твоя будет великой, если же не устоишь, страшным будет твое

наказание и на земле, и в той стране, которую ты называешь Аменти. Но чтобы тебе было спокойнее, знай, что позор и мучения не будут вечными. Каким бы низким ни было падение, если в сердце есть раскаяние, существует путь, горький, долгий и тернистый, которым все же можно вернуться к праведности. Да не допустят боги, чтобы тебе пришлось искать этот путь, о Гармахис!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Очевидно, это изображение самого Аменемхета. (Здесь и далее примеч. автора.)

2

Несомненно, это были Аменемхет и его жена.

3

Нет, конец, не осталось, здесь: не приведен в порядок (араб).

4

Английское слово, употребленное в том же значении, что «мафиш».

5

В этом свитке содержалась третья, незаконченная книга этой истории. Остальные две были аккуратно свернуты обычным способом. Все три книги написаны одной рукой демотическим письмом.

6

Это объясняет пропуски в последних листах второй книги.

7

Египетский Гадес или Чистилище.

8

Египетская богиня судьбы, то же, что Парки у римлян.

9

Перевод Валерии Меренковой.

10

Так называли душу, отошедшую к богу.

11

Звезда, появление которой на небе совпадало с началом разлива Нила.

12

Сходное определение божественности можно найти в погребальном папирусе Несикхонсу, египетской принцессы двадцать первой династии.

13

В древности близ Сиены (современный Ассуан) добывали знаменитый камень – сиенит.

14

Перевод Валерии Меренковой.

15

Согласно египетскому религиозному учению, живой человек состоит из четырех частей: тело, астральный двойник (ка), душа (би) и искра жизни божественного происхождения (кау).

16

Священный инструмент Исиды, очертания и части которого имеют сакральное значение.

Купить: https://tellnovel.com/genri-haggard/kleopatra-2-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити